

...И пусть на куртке осядет пыль, и пусть ботинки сотрутся в хлам, пока ты веришь в меня - я жив, и пусть тебе говорят, что я - всего лишь сказка, безумный миф, мозг пожирающий страшный яд, пускай меня отрицает свет, пусть от меня отказался бог, пусть я безмолвен, и глух, и слеп, и с губ слетает последний вздох, пускай меня замели пески, пусть под ногами дрожит земля, не отнимай от меня руки, не отрекайся, держи меня.

И до тех пор, пока ты со мной, пока ты веришь в меня еще, и на губах твоих моря соль, кусает ветер поверхность щек, а сердце гулко стучит в груди, и твой румянец затмил зарю, иди за мной, лишь за мной иди.

Ищи.

Я тоже тебя ищу.

Джио Россо

Часть 1. Прощение

Глава 1.

Пробуждение

30 seconds to mars - The Story

Утро началось над унитазом. Основательно проблевавшись, сползаю на холодный кафель, пытаюсь вспомнить, что послужило причиной таких последствий: где я так налакался и по какому поводу?

Память услужливо подкидывает хитрые глаза Итона, пластиковые пакеты с порошком, всплывает фраза: «Лёгкий наркотик, попробуй, тебе понравится! Трахаться ваще улёт под этой дурью, чувак!».

Голова раскалывается. Боль слишком сильна, чтобы быть способным быстро восстановить хронологию и суть произошедших накануне событий.

Внезапно кадры: синие глаза Софьи... испуганные, ненавидящие, затопленные слезами. Это воспоминание цепляет за собой другое – её тело, белоснежная кожа, грудь, розовые ореолы её...

Стоп! Откуда?

Она подо мной, и я жёстко её...

Что за хрень? Я что, во сне Софью отымел? С какой стати?

Тааак... Я приехал в клуб, разобрался с бумагами, текучка, интервью с менеджером, чертежи переоборудования склада. Итон, Стив и три девки с ними, мы сидели за столом, много пили. Когда я принял наркотик?

Когда увидел Софью.

Чёрт, это реально было. Софья точно вчера была в клубе. С ней Кейси и ещё пару каких-то отмороzków. Один лапал её, но без трагедии.

Так, дальше. Что было дальше?

Дальше... её глаза. Она ела меня глазами. Ну, как обычно. А что я? Я... трахал рукой одну из девок...

Твою ж мать!

Стоп, ничего не понимаю, если у меня была тёлка, то какого чёрта я вижу под собой Софью?

Тру виски, не спешу напрягать атрофированную память – страшно.

С трудом встаю под душ. Сперва горячий.

Снова Софья, я беру её сзади, она стонет... или плачет? Снова фраза: «Мне больно, Эштон! Мне так больно!»

Твою ж мать!

Меняю положение смесителя на «максимально холодный». Стою. Говорю себе: это сон, это просто дурной сон, ничего этого не было. Я ничего подобного совершить не мог. Просто не мог. У меня извращённые мозги, мне приснился кошмар! Не было ничего!

Стою под ледяными струями до тех пор, пока меня не начинает трясти от холода. Или это отходняк?

В памяти всплывает второй пакет, и я в ванной принимаю порошок. Голый.

Снова вспышка в памяти: заламываю Софье руки, резко раздвигаю её бёдра своими. Она беззвучно плачет, закусив нижнюю губу.

Да что это за идиотизм?

Меня так бьёт дрожь, что я с трудом добираюсь до постели. Только теперь замечаю совершенно голый матрас – простыни нет. На матрасе два небольших пятна, приближаюсь к ним максимально, трогаю пальцем, не могу понять, что это...

Внезапно вижу бёдра Софьи... В крови.

Рвотный позыв и ноги едва успели донести меня до унитаза, чтобы я мог выbleвать остатки вчерашнего дня...

Меня рвёт без остановки, выворачивает кишки наружу, а в голове отрывки, куски, картинки складываются в длинную ленту, которую словно киноплёнку я буду прокручивать в голове всю оставшуюся жизнь: этой ночью у меня был секс с сестрой. Не обычный секс – я грубо трахал её, так грубо, как ни одну женщину в своей жизни. Теперь, самое страшное: кажется, я лишил её девственности... Зверски...

Снова кафель, снова душ.

Осознаю себя сидящим на полу душевой, по лицу, голове, всему телу струятся ледяные ручьи, мои руки то сжимают виски, то закрывают лицо. Я сам не могу осознать, что сделал. Мой мозг не вмещает этого.

Проходит время. Мои глаза выучили наизусть узор этой кафельной плитки. Мне кажется, я смогу воспроизвести каждый бежевый квадратик и шесть его хаотично рассыпанных оттенков с точностью сканера. Встаю, ноги затекли, руки онемели от холода. Не с первой попытки, но всё же умудряюсь выключить душ.

Я в комнате, меня тошнит от её вида так, что тут же принимаю решение уничтожить её и переделать в какую-нибудь подсобку.

Не решаюсь смотреть на кровать – там матрас и те пятна... Свидетельство того, что вчера я стал первым мужчиной собственной сестры. Любимой дочери своего отца. «Софья – половина моего сердца!» – он повторял мне эту фразу тысячу раз... Но я, видно, так и не понял...

Of Monsters And Men - Your Bones

Agnes Obel - Words Are Dead

Мои пальцы не попадают в нужное поле тач-скрина – тщетно пытаюсь набрать её номер. Я не знаю зачем, просто хочу услышать голос. Живой голос. Её голос.

Телефон выскальзывает из моих деревянных от холода рук, разбивается о кафель на полу, но продолжает жить. Я снова набираю – это уже семнадцатый раз, и семнадцатое приветствие автоответчика. И я решаю отправить ей СМС с одним только словом: «Прости!».

Спустя почти два часа после принятия двух таблеток Адвила, мне удаётся прийти в себя. Одеваюсь, сажусь за руль и понимаю: помимо Адвила мне нужны транквилизаторы, но где их взять, понятия не имею, поскольку до этого момента моей жизни необходимости в них не возникало.

Есть только один адрес, куда мне сейчас нужно – дом на берегу острова Бейнбридж. Но я не успеваю даже выехать из даунтауна, как раздолбанный экран телефона высвечивает вызов от отца. Поднимаю:

- Эштон, привет.

- Привет.

- У меня к тебе просьба, нужно провести переговоры за меня, через час в центральном офисе. Я не смогу там появиться.

Я боюсь задавать этот вопрос, но отец и не ждёт его:

- Кое-что произошло, Эштон.

- Что? – вырывается само собой.

- Соню... изнасиловали, - последнее слово он словно выдохнул с частью собственной жизни.

Виснет пауза, мне сдавило грудь, отцу, похоже, тоже, но его выдержку можно выставлять в качестве музейного экспоната: сглотнув, он продолжает:

- Пришла домой вся в синяках. Молчит, как партизанка – не признаётся ни кто это сделал, ни где всё случилось. Глупый ребёнок, я же всё равно выясню. Выясню и убью их. Или ЕГО...

У меня мороз по коже.

Открываю рот, чтобы сделать чудовищное признание, но он отключается прежде, чем я успеваю произнести хоть звук.

Около восьми вечера мне, наконец, удаётся добраться до острова и того самого дома. Мне страшно, стыдно, но всё это чепуха в сравнении с тем, как больно – за неё. Отец убьёт меня, но мне всё равно – я не знаю, как жить с этим...

Я изнасиловал Софью! Не кто-нибудь, не отморозки из клуба, а я! Тот, кто должен был защищать её, мою сводную сестру...

За прошедший день мне так и не удалось до конца осознать произошедшее, как и обозначить в собственной голове его причины.

В холле встречаю Валерию, жену отца, мать Софьи. Она без косметики, глаза красные, на лице лица нет.

- Соня? – спрашивает рассеянно.

Потом плачет. Сквозь слёзы:

- Твой отец увёз её в больницу, ей перевязка нужна, а после они сразу же на Пхукет поедут - зализывать раны. У нас беда случилась, Эштон... Но Алекс, наверное, уже рассказал тебе?

- Нет, - вру.

И думаю: «Какая ещё на хрен перевязка?!»

- Соню... то ли изнасиловали, то ли нет... Она говорит, что сама добровольно ввязалась в какой-то жёсткий секс. Но... слабо в это верится: руки в синяках, запястья – сплошная синева, на шее синяки, на груди, на бёдрах, в общем, кошмар. Но это не самое... худшее... Она, словно мёртвая, Эштон. Умерла внутри! У неё ж это в первый раз было, и чтобы так и добровольно... Отец не верит ей, да и я тоже.

Лера смотрит мне в глаза, но я не могу вынести ни её взгляда, ни её слов, закрываю лицо руками, чтобы спрятать от неё перекошенное выражение своей паршивой физиономии...

- Не надо, не переживай... Папа... Алекс вытащит её. Он знает, как. Он всё сделает. Всё будет хорошо!

Проходит пару мгновений, и она срывается в рыдания, сдерживаемые, очевидно, не один час до этого:

- Господи, Эштон, если б ты знал, как же больно, когда с твоим ребёнком происходит такое, и ты ничего не можешь поделать, ничего вернуть, изменить уже нельзя! Верись, всё бы вот отдала, чтоб только не случилось с ней этого! – всхлипывает. - На неё невыносимо смотреть... Тело есть, пусть и в синяках и садинах, а Сони нет... Нет больше моей жизнерадостной, дерзкой, всегда открытой Соняши, и никогда не будет! После таких уроков душа никогда не становится прежней... НИКОГДА! Я знаю, о чём говорю...

Самое большое наказание для преступника – услышать стенания матери. Увидеть её боль. И лучше б меня совсем не было на этом свете!

Какого чёрта я сотворил?

Молчу, потому что страшно признаться, что сделал это с ней, с ними, я – человек, которого они впустили в семью. Ещё один сын, брат, которому доверяли как себе. И я ведь знаю, что доверяли.

Она плачет. Нет, рыдает. И это слёзы убитой горем матери – так рыдала и моя мать после первой неудачной операции на моём бедре, и я ненавижу эти слёзы. Хочу, чтоб они высохли, не желаю видеть это красивое и всегда уверенное лицо так страшно изуродованным болью!

У меня язык не повернулся признаться. Вот просто не смог. Не нашёл я в себе достаточно достоинства и сил, чтобы выговорить вслух эту мерзкую правду – знаю ведь, что сделаю только хуже.

ОН – взвывает, когда узнает, что это был я. Я – тот, кто жестоко насильничал его девочку, наставил ей синяков, лишил её девственности без церемоний и даже самой элементарной подготовки! Он точно убьёт меня, но мне и не страшно, вот клянусь, так стыдно и так паршиво за то, что сотворил, что сам бы придушил себя. Боюсь увидеть ЕЁ лицо, когда узнает, потому что она – единственный человек, кто по-настоящему, искренне был с самого начала мне рад.

Уезжаю от Леры в полуобморочном состоянии, желая только одного: чтобы всё это было кошмарным сном, я вот-вот проснусь, и жизнь вернётся на круги своя. Но она не возвращается. Я нахожу отделение и нужную палату в госпитале даже слишком быстро – в иной ситуации побродил бы по лабиринтам коридоров, но когда ты на грани отчаяния, ноги сами несут сразу туда, куда нужно.

Они сидят рядом на кушетке и оба повернуты в сторону окна, спиной к входу, создавая иллюзию единённости. Конечно, он обнимает её, причём обеими руками и прижимает к себе так, будто, если не сделает этого, она умрёт, или он умрёт, или они оба умрут!

Вижу часть её лица и прихожу в ужас: там страшный кровоподтёк и, судя по характерной повязке сбоку головы, её шили.

Твою ж грёбаную мать... Я бил её что ли? Неужели ж я ещё и поднял на неё руку?!

Перед глазами темно, просто крошечная тьма, тошнота выворачивает, заставляя концентрироваться, чтобы не блевануть в этом стерильном больничном коридоре.

Дальше словно провал в памяти, и сознание обнаруживается уже в уборной, я жадно обливаю лицо и голову холодной водой и с ужасом понимаю, что именно со мной происходит – чёртовы гены, он наградил меня своей больной психикой! И это первый приступ. Действую неосознанно, но, очевидно, имея в мозгу представление о том, что мне поможет, только потому, что видел, как это происходит у НЕГО.

Глава 2. Полпуда соли

Woolookologie – Forest

Дома, вернее, в квартире, подаренной отцом, не включаю свет. Не сплю и не бодрствую, сижу в крошечной темноте без единой мысли о своём будущем. Единственное, что меня заботит – реакция отца. Не то, чтобы я боялся его гнева или тюрьмы, куда он мог бы упечь меня по щелчку своих пальцев, я боюсь увидеть в его глазах то бесконечное разочарование, которое рано или поздно в них увижу. Я должен сказать ему и решаю сделать это утром.

Посреди ночи просыпаюсь от мысли, неожиданно пронзившей мой полуспящий мозг: видео! Отморозки из клуба, те, которые в охране, установили в блядской комнате камеру видеонаблюдения и снимают клиентов ради развлечения, прикрываясь производственными целями. Я же об этом знал! Так какого же чёрта потащил туда Софью?

Сразу же, не дожидаясь утра, срываюсь в клуб. Всё закрыто – сегодня понедельник, народ разбредается раньше обычного. Вскрываю сервак охраны, благо знаю, как это делать, и нахожу нужный файл. Конвертирую, перематываю, пауза... Мы входим в комнату, я что-то ей говорю, она отвечает. Эта камера из допотопных – не записывает звук, и я понятия не имею, что именно говорил ей, что она отвечала. Набрасываюсь на неё... пауза...

Я извращенец, зачем смотрю?

Гадко видеть себя... в таком облики. Я жалок, будучи сильнее, я омерзитель, пользуясь этим.

Снова play... Стягиваю с неё майку, бюстгальтер, она остаётся в одних джинсах, я замираю, очевидно, опять что-то говорю, но она не отвечает. Поднимаюсь, скрываюсь из радиуса, покрываемого камерой. Софья подскакивает и одевается.

Господи, она ушла... Она же ушла! Иди, беги и не возвращайся Софи, умоляю тебя! Пусть это буду не я... пусть это кто-то другой, только не я...

Но она возвращается, и я снова нажимаю на паузу: знаю, что будет дальше. И помню свои мысли, чудовищные, зловещие, омерзительные свои мысли.

Я хотел наказать её. Сознательно, намеренно сделать ей больно, не физически, нет! Моей целью была её душа, и мне жутко, извращённо отчаянно хотелось унижить её, растереть, как женщину... Хотел видеть шлюхой, паршивой девкой, а не любимой дочерью моего отца, избалованной лаской, вниманием, деньгами. Я хотел выдворить её из своей жизни, сделать нечто такое, чтоб она забыла все пути туда, где есть я.

Сижу и окаменело пялюсь на экран с застывшей картинкой... Не решаюсь смотреть дальше, а нужно: я должен знать, обязан увидеть сам в какой момент дошёл до того, что ударил её.

И я вновь включаю видео с твёрдым намерением досмотреть до конца. И я вижу всё: как снова грубо раздеваю её, как заламываю руки, как она плачет, и как сам я словно не замечаю этого, как впервые вхожу в неё, и как её лицо перекашивается от боли, как она просит меня о чём-то...

Мне вспомнилась фраза. Её фраза, её просьба. Она повторяла её десятки раз, просила меня остановиться: «Хватит, Эштон! Пожалуйста, перестань, мне больно!»

Моя рука на моём лбу, прикрывает глаза, я пытаюсь спрятаться от правды, от отвращения к самому себе, от собственной жестокости, от стыда... В этот момент мне наплевать даже на последствия – до того тошно смотреть на себя в действии. Это видео не для возбуждения, это видео для культивации ненависти и презрения к самому себе. Но я дохожу до самого конца и даже получаю шанс узнать, куда девалась простыня с кровати – Софья уволокла её куда-то. И мне даже не нужно напрягать свои гнилые мозги, чтобы понять зачем: ясно же, не хотела, чтобы я понял, что всё-таки оказался первым...

Оказался ничтожеством, превратившим одно из самых важных событий в жизни любого человека, не только женщины, но и мужчины, в животное сношение... Хотя нет, даже животные делают это нежнее и с большей чувственностью.

Я опустошён. После увиденного во мне нет жизни. Сказал бы, что и желаний нет, но это не так – есть одно: чтобы всё это вдруг оказалось страшным кошмаром, чтобы я проснулся, и всё закончилось на том моменте..., когда я впервые увидел тот журнал. Я бы не поехал к отцу. Не поехал бы. Не было здесь места для меня.

Я не хочу быть животным, отравленным ненавистью, не хочу быть жестоким зверем по отношению к девушке... теперь уже женщине. Не хочу совершать то, что совершил, не хочу ненавидеть, не хочу завидовать и болеть этой завистью...

В окне напротив небо светлеет и окрашивается розовым – рассвет. Нет смысла сидеть здесь и ждать, пока явится охрана...

Кстати, а где ночная смена? В голове мелькает догадка в ответ на это «почему?», но я гоню её прочь – и так «система перегружена», я не в состоянии грузить свой мозг ещё и этим.

Больше всего в данный момент меня заботит рана у Софьи на голове: теперь я точно знаю, что не бил её. На видео – жёсткий уродливый секс, но не более того. Физического насилия я не припоминаю, и камера ничего подобного или похожего не сняла.

Просматриваю записи видеонаблюдения по её возможному передвижению по территории клуба, вижу, как она выходит, как идёт, немного шатаясь, как останавливается, опустив голову на ладонь...

В этот момент чувствую вкус крови во рту – это я, кажется, прокусил свою губу...

Софья снова двигается, подходит к мусорному контейнеру и с диким остервенением (откуда силы только взялись?) запикивает простыню в бак. После двигается в сторону тротуара, оглядываясь по сторонам, как будто ищет свободное такси, внезапно останавливается, стоит какое-то время, склонив голову, затем падает... Нехорошо падает: так, что я, глядя на это видео, даже подскочил, чтобы поймать её...

Ясно, теперь ясно, почему голова у неё разбита. Выдыхаю своё облегчение и даже, кажется, улыбаюсь – главное, не бил, руку не поднял, иначе как жить-то после такого? И этот груз не знаю, как повезу теперь, а если б ещё и избил...

Внезапно задумываюсь о смерти. О собственной.

Что есть смерть? Переход из одного состояния в другое. Вот ты был и вот тебя уже нет. И ты даже не сможешь огорчиться – тебя ведь уже нет. Выходит, не жить лучше, чем жить – нет боли, нет страданий, нет переживаний. Просто вдохнуть больше порошка из пластикового пакета, и всё исчезнет. Всё прекратится, остановится. Для тебя.

А для остальных останется ведь так, как есть. А ты уже никогда не исправишь своих ошибок – тебя ведь больше нет, а, следовательно, и исправлять некому. Значит, вначале нужно разобраться со своим дерьмом, а уж потом сваливать.

И мать...

Мать – самое важное в моей жизни. Она, в сущности, пожертвовала собой ради меня. В чём её счастье, где оно? Всё, что у неё есть – это я: неудачник Эштон. Новость о том, что её единственный сын, на операции которому она полжизни копила, не видя даже элементарных вещей, делающих женщину женщиной, вдруг умер от передозировки, практически изнасиловав перед этим собственную сестру, сведёт её если не в могилу, то в психушку точно!

И я принимаю решение пожить ещё какое-то время. А раз собрался жить – нужно прибраться: удаляю все записи с камер, с сервера, со всех виртуальных мест, где они могли бы задержаться.

Когда утром получаю сообщение от директора клуба о том, что ночная охрана в количестве трёх человек уволена в связи с пропуском смены, я сразу понимаю, что попал...

С этого момента начинается самая депрессивная глава в моей жизни под названием: «На крючке».

Моя голая задница на видео мало кому интересна, а вот почти насилуемая, но при этом по собственной воле, девушка – очень даже. Тем более, если эта девушка – дочь одного из самых известных и обеспеченных людей в штате, состоящего в элитных закрытых клубах и имеющего определённое влияние на глобальные процессы в стране.

Это и есть то, что называется «компроматом».

Я жду приговора почти месяц. За этот месяц теряю пять килограммов собственного веса, ночной сон и желание жить. Хотя последнее потеряно ещё месяц назад.

Отец давно уехал вместе с Софьей, я не успел поговорить ни с ним, ни с ней, и теперь уже проблема моей совести и мужского достоинства, если вообще уместно о нём говорить – наименьшая из всех проблем, потому что тёмные времена нависли своей угрожающей тяжестью теперь уже над всей семьёй.

Через двадцать восемь дней после моего падения я получаю сообщение:

«Думал, уничтожишь исходники на сервере, и концы в воду? Смешно!»

Нет, не думал. И мне не смешно, потому что жду вас вот уже почти месяц.

У меня появились седые волосы. Никогда не было, теперь есть...

Через неделю ещё одно сообщение, но на этот раз уже с другого номера:

«Десять миллионов \$ на счёт XXXXXXXXXXXXXXX».

Отвечаю:

«У меня нет этой суммы».

Спустя сутки ответ:

«Мы знаем. Позвони своему риелтору»

Я нанимаю оценщика, и в тот момент, когда он объявляет мне результаты своей работы, я сижу ещё больше – около десяти миллионов. Только в этот момент мне становится ясно, насколько сильно я «на крючке», и что имею дело не с одним человеком, а со многими.

Первое же желание – позвонить отцу. Эту идею я вынашиваю сутки – большего времени мне не дали. В итоге решаю, что смогу выпутаться сам – выставляю лот, и уже через сутки моя квартира приобретена китайским инвестором с переплатой в один миллион – я получаю на свой счёт 11 миллионов \$.

Отправляюсь в банк и делаю перевод на указанный счёт, переговорив предварительно с двумя

клерками и подписав кипу банковской документации – такие крупные суммы требуют «особого порядка обработки транзакций».

Вечером того же дня ещё сообщение:

«Ты слишком долго возился. Ставка выросла: ещё миллион»

И оставшиеся деньги отправляются туда же.

Поскольку основным требованием китайца было «освободить недвижимость завтра», утром пакую свои книги и вещи и переезжаю в гостиницу. Зарплата у меня высокая – на отца же работаю, поэтому могу себе позволить. Пока...

Глава 3. Ответственность

The Who - Behind Blue Eyes

Отец и Софья возвращаются из путешествия два месяца спустя после случившегося. К этому моменту я уже бездомный, похудевший, немного поседевший топ менеджер:

- Ты не слишком ли усердствуешь на работе? – спрашивает отец, внимательно разглядывая мой в корне поменявшийся облик.

Судя по его глазам, он всё ещё не знает... Софья, очевидно, так и не сказала, а церберы не смогли вынюхать, ну, или не там искали.

- Были некоторые проблемы... - отвечаю, и это правда.

- Решил?

- Вроде бы...

- Это не результат, Эштон! – восклицает строго. - Любая проблема должна быть раз и навсегда решена, иначе работа сделана плохо!

- Хорошо, - говорю. - Понял.

- Тогда работай! Но и отдыхать вовремя не забывай...

Отец разворачивается и входит в конференц-зал, где его встречают аплодисментами – шутка ли, шеф отсутствовал почти два месяца!

«Когда такое было?» – шепчутся сотрудники. «Да было как-то, сто лет назад. Он тогда болен был серьёзно...» - отвечают старожилы.

Мне нужно поговорить с отцом, но судьба не желает предоставлять шансы. Вечером того же дня он уезжает и снова с Софьей – на этот раз в Германию.

Никто ни о чём мне не говорит: ни отец, ни Алексей, ни Лурдес – похоже, Софья так и не раскрыла тайну своего «изнасилования», а для меня она уже превратилась в многотонный груз, отрывающий плечи.

Я буквально с остервенением жду возвращения отца, перебирая в голове сотни вариантов нашего разговора, думаю о том, как признаться в содеянном, пока однажды вечером мой телефон не высвечивает знакомое имя: «Валерия».

- Эштон..., - она не здоровается, и тяжкое предчувствие заполняет оставшиеся пустоты в моей душе.

- Да, Лера...

- Мы с твоим отцом впервые за последние... двенадцать лет поссорились.

Я выдыхаю: Боже, какое мне дело до ваших ссор... стоп! Он вернулся?

- А... он вернулся?

- Да, три дня назад. Я об этом и хотела тебе сказать... И не только.

- Не только?

- Эштон... Твой отец выхаживает все последние месяцы Соню. Дело в том, что она беременна... была.

- Что?!

- Мне кажется, тебе стоит об этом знать. Собственно, по этой причине мы с ним и поссорились: он считает, что не стоит вмешивать ТЕБЯ в это дело.

Я не спрашиваю, почему она хочет поставить меня в известность о том, что происходит с Софьей: Валерия ВСЁ знает... Знает!

- Почему..., - шепчу и не могу окончить фразу, не способен сформулировать мысль, одеть её в «подходящие» слова.

- Хочешь знать, почему она «была» беременной?

- Да!

- Ну... технически, она всё ещё... через час ей проведут операцию по удалению плода, - Лера вздыхает. - Её ребёнок умер, Эштон. Ещё вчера.

Я опускаюсь на пол, не осознавая ту дикую силу, с какой собственная рука вжимает тонкий смартфон в ухо...

- Аномалия развития плода - сердечная патология. Алекс... твой отец сделал всё возможное, чтобы сохранить ему жизнь, и шансы были - планировалась операция в Германии, внутриутробно, но что-то пошло не так... В общем, её через час будут... а нет, уже чистят - он только что сообщение мне прислал. Эштон?!

Я не могу разжать рта. Я не знаю слов: ни английских, ни русских, ни французских...

- Эштон! - её голос громче, строже.

- Да, Лера, - отвечаю едва слышно, призвав для этого все свои силы, а их почему-то нет, совсем нет.

- Я подумала, что ты повесил трубку. Ладно...

- Спасибо... что позвонила...

- Не за что.

Конец. Это конец всему.

Lana Del Rey - Heroin

Я сижу на полу, опустив голову в собственные раскрытые ладони, вжимаю пальцы в кожу головы, пытаюсь пережить этот момент...

Одна, две, три, четыре... шестьсот секунд мои глаза смотрят на погасший экран телефона и ... и ничего не видят.

Я не понимаю, что происходит вокруг меня, почему мир в хаотичном беспорядке несётся неизвестно куда, а я словно сижу на детской карусели вот уже второй час подряд, меня тошнит, и глаза не в состоянии различать пёстрые картинки, пролетающие мимо...

- Меня нет, меня нет, меня нет..., - твержу сам себе, как попугай с черепно-мозговой травмой.

В тот момент, когда сознание позволяет прийти в себя, часы в смартфоне показывают почти полночь - Валерия звонила мне больше пяти часов назад.

Я просидел пять часов кряду на полу гостиничного номера, склонившись над маленьким девайсом, подписавшим мой окончательный приговор - я сам никогда себя не прощу, никогда не оправдаю в собственных глазах смерть её ребёнка - моего ребёнка.

За то время, которое потребовалось машине, чтобы довезти моё тело до госпиталя, я прожил целую жизнь.

Никогда, ни одного единственного раза в своей истории я не думал о детях. Даже когда Маюми вплетала в свои ласки тонкие намёки на желание стать матерью, я не воспринимал ни их, ни её саму всерьёз. И даже когда предъявила мне тест... я тогда ничего не почувствовал. Потому что не было никакого ребёнка, и я глубоко внутри знал об этом.

Но теперь, когда он есть... был, физически существовал, когда всего какие-то сутки назад он жил внутри неё... внутри Софьи, я понимаю, что подобной боли не испытывал ещё никогда в жизни...

Тянущая, терзающая, вынимающая сердце, выдирающая с корнями душу боль – страдание мужчины, потерявшего ребёнка. Своего первого ребёнка...

За тот час, что мой автомобиль добирался до госпиталя Университета Вашингтон, я успел стать отцом, быть отцом, пережить смерть того, кому не суждено было родиться.

Я вижу маленькую ручку на своей ладони, рассматриваю крохотные розовые пальчики... Чувствую неповторимо сладостное тепло и едва ощутимую тяжесть в своих руках, словно держу в них младенца, и вот этот вес становится ощутимее – на моей груди засыпает мой сын, вот его маленькая, но уже такая крепкая ладонь вновь зажата в моей, и мы бежим, что есть мочи несёмся по песку, прибитому дождём, по берегу моря, разбивая накатывающие волны своими ступнями...

Почему всё это так реально для меня? Потому что я вижу сны. И в них ВСЕГДА есть дети. И в этот миг я понимаю, совершенно точно знаю, осознаю в самой глубине собственной души, что сегодня умер один из них, сегодня умер мой сын.

В госпитале пустынно... На мгновение мне кажется, будто я сплю и вижу странный сюрреалистический сон – брожу в длинных запутанных коридорах давно заброшенного людьми здания в поисках выхода на свет Божий...

Я нахожу её палату – дверь открыта настежь. На широкой больничной кровати спит Софья... Её лицо выражает муку даже во сне, волосы спутаны, под глазами синяки и припухлости – она много плакала... Рядом с ней я вижу отца, он обнимает её, повторяя своим телом её позу. Он тоже спит...

Сползаю по стене на пол, вытягиваю ноги, потому что нет смелости войти в это маленькое царство, нет сил потребовать у него... уйти? И отдать мне моё место?!

А имею ли я на него право, на это место? На эту женщину, едва не ставшую матерью моего первого ребёнка, потому что в снах их было много... Женщину, которую я даже не обидел – я её растоптал.

Спустя время слышу приближающиеся в коридоре шаги – деликатный стук чьих-то туфель о больничный, залитый бледно-жёлтой резиной пол. Открываю глаза: это Валерия. Она одета в один из своих потрясающих не американских костюмов, делающих её не профессором одного из самых престижных учебных заведений, а первой леди... английской королевой, забывшей свою шляпку в чёрном роллс-ройсе... В руках у неё два высоких картонных стакана Starbucks, на одном из которых чёрным маркером написано её имя, обрамлённое в сердечко – ей попался креативный бариста. Я вижу, что из идеальной, строгой причёски моего бывшего преподавателя выбились пряди всегда ухоженных красивых волос – сегодня она ещё не была дома, на острове Бейнбридж. Они рассорились из-за меня, но оба здесь – рядом со своей дочерью.

Валерия ничего не говорит, отдаёт мне стакан с сердечком и молча входит в больничную комнату.

- Алекс... - тихо зовёт, - Алекс, твой кофе.

Он медленно поднимается, берёт из её рук стакан, на мгновение застывает, словно пытается окончательно проснуться, затем совершает одно резкое движение – и вот уже его щека прижата к животу жены, он обнимает её обеими руками, с силой вдавливая в себя... И она гладит его по голове, зарывает свои пальцы в его волосы, делая это с такой медлительной нежностью, что он стонет...

- А твой кофе где? – внезапно спрашивает её.

- Выпила, - отвечает она просто.

Его глаза замечают меня, и выражение лица из мягкого трансформируется в железную, жестокую маску.

- Выпила, говоришь...

Я уже понял, что они оба ВСЁ знают.

Отец спокойно возвращает жене свой кофе, поднимается, снимает со спинки Софьиной кровати пиджак, и я поднимаюсь тоже – кажется, время для разговора, наконец, явилось за мной.

- Через час в офисе, в моём кабинете - просто сообщает.

Sia - Angel By The Wings (from the movie "The Eagle Huntress")

В его кабинете ни один из нас не включает свет – нет надобности, огни города достаточно освещают

наполовину прозрачное помещение – это одно из самых впечатляющих мест, какие я видел в своей жизни.

Отец открывает спрятанный в одной из чёрных панелей стены бар, достаёт бутылку какого-то алкоголя и два низких бокала.

- Зачем ты это сделал? – я давно уже жду этот вопрос.

- Как ты узнал?

- Как я узнал?! – только в этот момент он позволяет своему взгляду встретиться с моим. – Эштон, я никогда не считал тебя идиотом, и, кажется, не давал и тебе повода считать им себя!

- Как ты узнал? – повторяю свой вопрос, и, честно говоря, не понимаю сам, откуда во мне взялась агрессия по отношению к нему.

- Хочешь знать, была ли это Софья?

- Нет. Хочу понять, как давно ты знаешь.

Он морщит лоб и смеётся, однако невесело. Это, скорее, обиженный смех, чем весёлый.

- Соня молчала, молчит и будет молчать. И это и есть ответ на твой вопрос.

Я смотрю в его глаза, пытаюсь хотя бы в них найти ответы, потому что слова этого человека не способны внести ясность в мои вот уже три месяца спутанные мысли.

Он видит это и разъясняет мне, как пятилетнему ребёнку:

- Как думаешь, много ли наберётся в жизни моей дочери парней, которых бы она с таким остервенением покрывала? Даже учитывая всю вопиющую грязь и жестокость случившегося по отношению к ней? Правильно, Эштон! Есть только один такой человек, и это – ты! Я уже молчу о своей службе безопасности, которая спустя сутки подтвердила мне это!

- Почему ты до сих пор молчал? – мне важно это знать.

- Хотел до конца понять, что ты за человек. Признаешься сам, или так и будешь прятаться за чувствами покалеченной физически, духовно и нравственно девчонки!

- Я не прятался...

- А что ты делал?

- Я не знаю... Я... думал! Думал, как выгрести из этого дерьма!

- То есть, о себе думал?

- Не о себе... точно не о себе. Я не насиловал её. Это был просто жёсткий секс...

- Лучше заткнись, Эштон! – внезапно шипит он. – Лучше заткнись, или я подумаю, что тебе нужны уроки того, как следует обходиться с женщинами в постели! – в его голосе появляется сарказм. – Или, может, тебе правда это нужно? Может быть, ты хочешь, чтобы я популярно, как отец сыну объяснил тебе, что следует делать с девушкой, согласившейся переспать с тобой?

- Нет, не нужно. Но я не насиловал её...

- Чёрт возьми, Эштон! – он, наконец, теряет самообладание. – У меня их были сотни... сотни! И ни одна из них не ушла из моей постели хотя бы с одним синяком!

- Да, я знаю. Наслышан!

О нём до сих пор ходят легенды, но ещё больше загадочности его образ получил с тех пор, как он стал спать только со своей женой. Теперь женщины произносят его имя почти с мистическим придыханием, будто мой отец не обычный человек из плоти и крови, а древнегреческий недостижимый для простых смертных Бог. Собственно, он и для меня именно им и являлся все последние годы... Да почему последние?! Всю мою жизнь!

- У неё всё тело было в синяках! Голова разбита!

- Она упала... - пытаюсь встрять, но так тихо, что сам себя едва слышу.

- На неё ещё неделю после твоих «ласк» без слёз и взглянуть было невозможно!

Отец резко опрокидывает содержимое бокала себе в горло, закрывает глаза, скривившись, затем подводит итог:

- Мой сын изнасиловал мою дочь!

- Я не насиловал её... - тут же отзываюсь.

Не знаю почему, но почему-то, по какой-то неясной причине ощущаю острую потребность оправдываться. Нет, не так - хоть немного очиститься в ЕГО глазах. Чувствую себя первоклассником, но снова и снова повторяю:

- Я НЕ НАСИЛОВАЛ ЕЁ!

- А что ты делал? - совершенно спокойно спрашивает он, заглядывая в мои глаза.

- Воспитывал!

- Что?! - на этот раз, кажется, мне удалось пошатнуть его знаменитую выдержку.

- Это было лекарство от затяжной хвори, - мне удалось, наконец, выразить свою мысль.

Отец резко дёрнулся и, прежде чем я успел сообразить, что именно он собирается сделать, нанёс мне только два метких удара: в лицо и живот.

На мгновение свет померк для меня, Земной шар остановился, но не для того, чтобы дать возможность перевести дух, пережить острую физическую боль, а для того, чтобы я чётче услышал отцовское послание:

- Не приведи тебя Бог, щенок, пережить эту боль, когда кто-нибудь решит так же «полечить» твоего ребёнка! - процедил сквозь зубы.

Пока я с трудом пытался прийти в себя, он вышел, но напоследок бросил:

- Сегодня же летишь в Австралию. Будешь реанимировать отмирающие ветки. И мозги свои на место вправлять!

И в этот момент я, наконец, понял источник свой неприязни к Софье: дело не в ней, а в нём! Это он относится к ней так, будто она не человек, а диковинное растение в оранжерее, это он оберегает, нежит её и лелеет, закрывая от мира и от настоящей реальности. Это он отдаёт ей всю свою любовь, забывая о других своих детях. Он - идеальный отец для всех, но любит только одного ребёнка - Софью.

Глава 4. Канитель

Vibrasphere - Breathing Place

Вся эта канитель началась с журнала.

Мне пятнадцать, и я стою на автобусной остановке, обнимаясь со своей подругой. Мы вот уже две недели как начали целоваться, и в тот солнечный мартовский день наш прогресс достиг той точки доверия, которая необходима девушке, чтобы позволить парню трогать её грудь.

Её зовут Филис, и она мне дико нравится. Главным образом тем, что я у неё первый.

У каждого человека есть свои собственные тараканы в голове, у меня их больше, чем у других, но в 15 лет сложно понять, что с тобой что-то не так, и я просто иду на поводу у собственных идей. И именно в этом возрасте, когда влечение к противоположному полу выходит на первый план, главная из них касается моих предпочтений в выборе девочек: я не вижу слишком смелых, ярких, доступных. Одноклассниц, уже имевших сексуальный опыт, вообще не отождествляю с женским полом как таковым - меня интересуют только те, кого не касались мужские руки, и нравственная сторона этой моей придури в этом возрасте заботит меня меньше всего.

Филис - никем до меня не целованная, чистая, скромная девочка из полной семьи со строгим отцом доктором. Она не только позволяет мне целовать и трогать себя, но и обещает секс, как только ей исполнится шестнадцать, а это уже через два месяца...

И вот я стою чуть поодаль автобусной остановки, спрятавшись за раскинувшим свои лотки газетным киоском, сжимаю её в своих объятиях, жадно вбирая все доступные при данных обстоятельствах прелести, мечтаю о том, как медленно стану снимать с неё одежду в нашу первую ночь, и уже

почти вижу в своём гормонально обусловленном воображении фантастически заманчивую обнажённую грудь, как вдруг Фелис резко отталкивает меня с возгласом:

- Мой автобус, Эштон!

Открываю глаза, стараясь урвать напоследок ещё один поцелуй, и невольно упираюсь взглядом в стенд с журналами.

Я вижу лицо...

Бывают ли у вас такие моменты, когда в одну секунду в сознании словно открывается дополнительный портал, и из него внезапно вываливаются необычно мудрые для тебя мысли, выводы, знания?

Это был один из таких моментов: всё, абсолютно всё, что занимало мою голову до этого момента, в одно мгновение было отброшено в сторону. Я увидел на обложке журнала знакомые черты – такие же точно глаза каждое утро смотрят на меня в отражении зеркала нашей ванной.

Мне не нужны были размышления, время, чтобы сопоставить факты, даты, потенциальные возможности и разумные допущения: уже в тот момент, когда Фелис всё ещё в моих руках, отталкивает, но и не спешит покинуть мои объятия, я уже знаю, кто этот человек на обложке, и понимаю, что этот день станет поворотной точкой в моей жизни.

Моя мать никогда не внушала мне ненависти к моему отцу и уж тем более не препятствовала нашим встречам. Она просто не знала, где его искать. Он жил какое-то время в Париже, они однажды пересеклись, между ними вспыхнули чувства, а потом он уехал домой – в США. С тех пор ни моя мать, ни я никогда не видели его. И она не могла сообщить ему, что ждёт от него ребёнка, что врач на УЗИ узнал в нём мальчика, что в не самом лучшем Парижском роддоме появился на свет я, весом 4200 граммов и ростом в 55 сантиметров, что у меня родовая травма, и нам очень нужна помощь, не только финансовая, но и просто рука, на которую можно опереться.

Моя мать никогда не скрывала от меня правды. Я не слишком хорошо помню, что именно она отвечала на мои вопросы, когда я был ребёнком, но последний наш разговор о НЁМ случился семь лет назад:

- Это была любовь, правда, только с моей стороны. Он уехал, а я не спросила его адреса. Когда узнала, что скоро появишься ты – была счастлива! Была бесконечно счастлива, потому что он оставил мне больше, чем я могла бы мечтать! Я не знаю, где он теперь, не знаю его полного имени, не имею представления, кто он и как живёт, но если бы вдруг ему случилось узнать о тебе, поверь: уже в самое короткое время он был бы здесь! Он очень хороший человек, Эштон! Очень! Лучший из всех, кого я знала...

Семь лет назад она сказала мне всё это. Семь лет я жду его. В девять, вследствие детской наивности пробовал даже искать, вглядываясь в чужие мужские лица, которых на улицах Парижа бесконечные, бесчисленные потоки...

В моей груди, где-то очень глубоко, всегда было спрятано чувство, что мой отец не может быть просто человеком, обычным мужчиной – он особенный, он не такой как все, и я люблю его, не зная, кто он, и никогда не видя его лица. Всё, что у меня есть – найденная у матери фотография, где он, откровенно говоря, снят в более чем интимном виде – полуобнажённым, спящим в её постели. Его черты сложно разобрать, но даже по этому фото можно с уверенностью сказать, что мы необычно сильно похожи. Поэтому журнал в моих руках, на обложке которого я вижу до боли знакомый взгляд карих глаз – самое ценное в моей жизни приобретение.

В его объятиях я вижу хрупкую в сравнении с ним женщину. В ней нет ничего общего с моей матерью, кроме того, пожалуй, что у неё красивое лицо... Её глаза – вечернее море, отражающее в своей спокойной глади небесную синеву... Это фото застывшей на фоне толпы пары сделано папарацци: двое, нечаянно пойманные камерой, замерли в ожидании неизбежного снимка.

Это фото приносит мне боль: непредвиденную, не поддающуюся осмыслению. Он не просто обнимает, а загибает её хрупкое тело своими большими руками, словно хочет закрыть от всего мира, но даже в этих поспешных объятиях читается бесконечная нежность. Мне пятнадцать лет, в моей голове десятки видео-уроков по занятию паркуром, виртуально обнажённая грудь Фелис, финальные тесты перед весенними каникулами, субботний концерт школьной рок-группы, любовные сообщения одноклассниц, но в этот момент какой-то взрослой частью себя я понимаю, вижу, как сильно человек на фото, так фантастически похожий на меня, любит обнимаемую им женщину.

Он живёт своей жизнью, работает, рождает детей. Это нормально, так и должно быть – объясняет мне моя рациональная половина. Но та часть меня, где правят эмоции и чувства, ненавидит это фото, этот журнал и блондинку с умными глазами – я хочу, чтобы в его руках её не было. Я хочу,

чтобы его руки были пустыми и неприкаемыми, хочу, чтобы он искал мою мать, чтобы хранил память о ней и место рядом с собой для неё! Для нас...

«Александр и Валерия Соболевы в очередной раз отказали People в совместном интервью... стр. 3», гласит надпись под фото на обложке.

Открываю третью страницу журнала:

«Известный меценат присутствовал в эту среду на открытии передового онкологического центра во Флориде в сопровождении своей супруги Валерии. Фонд Соболевых инвестировал более 500 млн. \$ в строительство и оснащение центра, предназначенного для лечения больных детей со всего мира.

- Доступность адекватной и своевременной медицинской помощи всем детям, но в большей степени тем, чьи семьи не в состоянии самостоятельно покрывать расходы, должна быть сегодня в приоритете, - заявил Соболев на конференции, посвящённой открытию центра.

Вклад известной четы в развитие отрасли, безусловно, неоценим, однако Соболевы до сих пор никак не прокомментировали произошедшее три года назад нападение на Валерию. Случившееся до сих пор остаётся одной из мистических тайн, бережно хранимых Соболевыми. На просьбу нашего корреспондента поднять завесу Александр ответил очередным отказом и предложил взамен рассказать о своих планах инвестирования в создание и развитие исследовательских лабораторий при новом онкологическом центре...».

Моя мать знает только его имя - Алекс. Алекс и Александр... это ведь одно и то же? Проверяю, google говорит, что да. Интересно, что скажет мать.

Вечером, подняв этот ценнейший в моей жизни журнал со стола, она долго смотрит на фото, я вижу, как эмоции радугой рассеиваются по её лицу, она, так же как и я рада, смущена и расстроена одновременно.

- Это он... - произносит сдавленным голосом.

Значит, я всё-таки нашёл его.

Самое смешное в нашей с матерью истории то, что мы оба никогда не читаем подобных журналов: у матери для этого нет времени, а для меня подобное чтиво лежит слишком далеко за пределами моих интересов. Но если бы хотя бы один из нас интересовался подобного рода периодической литературой, мы бы давно нашли его: оказалось, что лицо моего отца не сходило с таблоидов всего каких-то десять лет назад, и только в последнее время журналисты интересуются им всё меньше и меньше.

Я открываю для себя, что мой отец - действительно особенный, но совсем не в том плане в каком мне бы хотелось. Статьи о нём, коих в сети бесконечное множество, создают противоречивый, а местами даже скандальный образ. В молодости он - никому не известный студент-изобретатель новых технологий в строительстве, которые сегодня стали уже традиционными, в зрелости - известная личность, преуспевающий бизнесмен и... человек, на время утративший моральный облик. Таблоиды обвиняют его в жадности по отношению к бывшим жёнам, беспорядочных половых связях и злоупотреблении алкоголем. Но в последние десять лет он - примерный семьянин, отец, муж и один из самых достойных членов общества.

В одном из интервью он говорит, что больше всего в жизни гордится своими детьми: на фото обнимает милостивую, совершенно не похожую на него девочку, и в его объятиях легко читается слепое обожание. На другом фото они тоже обнимаются, но уже смотрят друг на друга, и в его взгляде так много любви, что я буквально захлёбываюсь завистью...

Отец...

Этой мой отец...

Это МОЙ отец!

И он даже не знает обо мне. Он никогда НЕ ХОТЕЛ знать обо мне. За все годы, за все последние шестнадцать лет он ни разу не связался с моей матерью.

Беспорядочные половые связи - такой была его жизнь в то время... Как раз в то самое время, когда зачали меня.

Я - результат одной из его беспорядочных связей... Незапланированный, побочный эффект.

Он наверняка ведь даже не вспомнит имя моей матери, да что там: скорее всего, он и её саму вряд ли вспомнит.

Я любил его семь лет, пока не знал, пока думал, что он – хороший человек, который просто не знает, что я существую.

Но теперь, когда мне посчастливилось его найти, я его ненавижу...

Все последующие два года я отказываюсь от любого контакта с ним и легко читаю в материнских глазах разочарование. Я не знаю, чего она хочет больше: помочь мне обрести то, о чём я больше всего в жизни мечтал, или просто, наконец, встретиться с ним? В жестокие шестнадцать лет парням не свойственно знать, как изнуряюще болезненно порой бывает любить. Я ревную мать к отцу, отца к его жене и детям, ревную весь мир, обижен на всё и вся, и моя собственная ненависть пожирает меня живьём.

В семнадцать расстанусь с Филис – наши отношения стали не просто занудными, а тошнотворными, и начинаю в своей жизни главу под названием «Беспорядочные половые связи», и мне вдруг становится легче...

Женские тела могут быть лекарством, оказывается. Но я разборчив: моим лекарством может быть только самый чистый, никем не тронутый до меня продукт. И как ни странно, мне его хватает с лихвой...

Внезапно я открываю для себя, что привлекателен. Это и раньше было в общих чертах почти догмой, но только в семнадцать становится наиболее очевидным и выходит на первый план. Я популярен у противоположного пола: девочки хотят меня не только физически, но и каким-то странным образом находят в моих психических и нравственных изломах нечто притягательное для себя.

Я иногда бываю даже груб с ними и заметил странную вещь – многим это нравится. Не только опытным, но и скромницам тоже. Чем жёстче я веду себя, чем больше потребительского эгоизма в моём отношении, тем больше бабочек слетается к моему огню. И этот факт сам по себе вызывает во мне некую тень отвращения к женскому полу как таковому. Только тень, потому что, по существу я не брезгую физическими контактами и в ближайшей перспективе не намерен менять своих предпочтений.

Я более никого не выделяю, ни с кем не отождествляю себя настолько, чтобы рассматривать возможность каких-либо отношений, не говорю о «любви», потому что от самого этого слова меня мутит, беру от женщин то, что они могут дать, но при этом всегда долго и тщательно выбираю, как и прежде заботясь, в первую очередь, о качестве.

К восемнадцати годам я – потребитель. Жестокий, безнравственный, чёрствый и холодный эгоист, спрятавшийся в панцире цинизма.

И вот наступает этот день – второе марта, когда мать сообщает мне, что скопила денег для того, чтобы отправить меня в хороший институт.

- Ты ведь хотел учиться в престижном месте? Доктора мы не потянем, но бизнес-администрирование вполне.

- Что за институт? – спрашиваю.

- Вашингтонский Университет, это в США.

Она могла бы и не говорить мне, где это. Потому что я знаю. Там работает ОНА – ЕГО жена, преподаёт математику.

- Так что скажешь?

Пожимаю плечами:

- Почему бы и нет?

Я делаю вид, что ничего не понял в этой примитивной женской стратегии, а мать радостно вздыхает.

Интересно, как она рассчитывает финансировать моё обучение? Уверен, что максимум, на что ей хватит денег – это один семестр и билет до Сиэтла. А дальше что?

Но мне нравится эта авантюра. И нравится материнский план: забавно будет увидеть это синеглазое холёное лицо купающейся в любви и деньгах женщины, когда она увидит МЕНЯ!

Да, моё внешнее сходство с отцом принимает пугающие масштабы: те различия, которые были до этого, все до единого являлись следствием молодости, но с каждым годом моего взросления юность уступает место зрелости, делая черты моего лица более мужскими, а значит сильнее похожими на

ЕГО черты.

Я смотрю на фото старого журнала, затем на своё лицо в отражении зеркала всё той же ванной и злорадно улыбаюсь: оно разорвёт ко всем чертям их милое царство, когда она узнает ...

Глава

5.

Аромат

Валерии

Body Positivity: Paloma Elsesser in "Honey & Dirt" | She's Mercedes

На ней нежно-голубая блузка и бежевые брюки, сексуально обтягивающие стройные женственные бёдра. На шее - тончайшая цепочка с красивой крошечной подвеской, сверкающей бриллиантовым блеском.

- Знакомься, это - самый сексуальный препод не только на курсе, но и во всём универе. Но, имей в виду, слюни пускать можно, руками трогать нельзя: у неё строгий муж, и она однозначно не любит мальчиков, - подмигивает мне мой однокурсник Итон.

Дело в том, что я прибыл с опозданием - вышла задержка с оформлением студенческой визы. К превеликому огорчению матери, мой первый семестр в Университете начался не первого сентября, как у всех нормальных людей, а двадцатого. У меня почти сразу же завёлся товарищ - рыжеватый балагур и повеса Итон: ни разу не услышав от меня ни единой просьбы, он как-то сразу возложил на себя обязанность курировать мою адаптацию на новом месте и исправлять мой «невыносимо приторный» французский акцент.

- Разговорчики в строю, Итон! - внезапный спокойный, женственный, но при этом жёсткий голос, такой, с которым страшно спорить, боязно послушаться.

Она смотрит на нас какое-то время, затем переводит взгляд на меня и, ни на мгновение не меняя выражения своего лица, замирает...

Один, два, три, четыре... восемь, девять... Сколько времени взгляд учителя может задерживаться на студенте, не рискуя быть обвинённым в ином интересе, нежели преподавательский?

Она отводит взгляд, медленным шагом направляется к своему столу со словами:

- А скажи-ка мне, Итон, решил ли ты уравнение для тупоумных?

Она находит на своём столе папку с бумагами, открывает её, перебирая какое-то время листы с таблицами.

- Ээм... я честно пытался, и даже гуглил, но гугл не знает ответа...

- А между тем, у него целых два решения, - сообщает всё тот же уверенный голос.

Наконец, она вынимает из кипы бумаг нужное, ведёт по списку пальцем, находит то, что искала, и поднимает свои глаза, чтобы встретиться с моими...

- Кто порадует меня сегодня адекватным решением или хотя бы своими мыслями на его счёт? - обращается к раскинувшейся перед ней амфитеатром аудитории, не отрывая своих глаз от моих.

Желающие находятся: симпатичная блондинка пробирается к доске, а Валерия берёт со стола свой телефон и медленным, размеренным шагом направляется к окну. Я смотрю на её фигуру в дорогой небесной блузке и невольно отмечаю, что каждая линия, всякий её изгиб, излом, длина, ширина, объём - первозданно прекрасны. Это женское тело вылепил самый талантливый божественный скульптор.

Она смотрит какое-то время в окно, затем, чуть наклонив голову, набирает номер и быстро, коротко, едва слышно говорит. И это не английский язык.

- Миссис Соболев, за использование телефона в аудитории положен штраф в 200 баксов, вы помните?! - мой сосед не знает покоя в своей жизни.

Она не реагирует, продолжает делать то, что делала, словно прозвучавших в тишине слов Итона и

не было вовсе.

Вдруг резко разворачивается со словами:

- Двести баксов, говоришь...

Быстрым уверенным шагом возвращается к своему столу, вновь ищет что-то среди бумаг, находит, затем вынимает из своего клатча деньги и направляется к нам.

Этот её путь от стола и по ступеням вверх к нашему с Итоном месту - самое нервное ожидание в моей жизни.

Её рука с чувством кладёт перед носом Итона исписанный лист и 200 долларов:

- Вот мой штраф и вот твои задолженности по моему предмету, Итон. Ты ведь на бизнес-администрировании? Проведи-ка подсчёт своих финансовых долгов перед Университетом, особенно обрати внимание на графу «необоснованные пропуски».

Всё это время она в упор смотрит на меня, не отрывая своего взгляда. Эта миниатюрная в сравнении со мной женщина кажется мне сейчас гигантом, она давит своим авторитетом, достоинством, выдержкой.

От неё безумно приятно пахнет дорогими духами и... женщиной. Я никогда в своей жизни ещё не ощущал настолько влекущего, буквально дурманящего запаха...

На её лице непроницаемая маска, но я каким-то странным образом чувствую, читаю в глубокой синеве боль.

Я хотел этого, мечтал об этой боли, но сейчас не рад ей. Мне плохо вместе с ней, и я не хочу, чтобы ей было больно, нам обоим. Она выпрямляется, не отрывая от меня своих глаз, а мои видят её губы, их чувственный изгиб, я не могу остановиться, меня несёт дальше, и вот мой взгляд уже скользит по неглубокому декольте и ниже к талии, обтянутым бежевой тканью бёдрам.

К своему позору и удивлению, я твердею. Мне жутко стыдно, потому что то, что в данную секунду со мной происходит, я не могу контролировать, а неуместность моей физической реакции прямо посреди лекции в университетской аудитории не требует комментариев.

- Кто Вы? - внезапный вопрос.

- Он новенький, - спешит ответить за меня Итон.

- Я не тебя спросила! - резко одергивает она. - Ты задание получил? - на этот раз её негодующий взгляд, наконец, оторвался от меня.

- Получил, Валери... простите если я...

- Вот и занимайся своим делом! - строго приказывает.

Вновь смотрит в мои глаза:

- Так кто Вы?

Она, эта хрупкая женщина, стоит перед нами, а мы, двое молодых жеребцов, сидим - мне стыдно, нужно же встать, а я не могу... Не могу выставлять напоказ то, что в этот момент самым безнравственным образом происходит в моих штанах. Поэтому я отвечаю ей сидя:

- Меня зовут Эштон Дикстра, я опоздал к началу семестра из-за проблем с визой.

- Французский акцент...

- Да, я из Франции, из Парижа, если быть точнее.

- Прямым из французской столицы значит?

- Точно, - отвечаю, улыбаясь.

Да, я улыбаюсь ей, как полный придурок, и сам от себя пребываю в шоке: я почти никогда этого не делаю! Мои губы не знают улыбок, потому что я просто не умею их растягивать в нужный момент! Вернее, не знаю, когда эти моменты бывают.

А её синие глаза продолжают сканировать меня, она не улыбается мне в ответ, она разглядывает... моё лицо!

Узнала. Конечно, узнала. Любой, кто видел ЕГО, узнал бы. А она, эта необычная, умная женщина и по-прежнему.

- Вас не учили, молодой человек, что перед началом лекций необходимо познакомиться с преподавателем?

- Простите... я не подумал.

- Надеюсь, Вас не затруднит подойти ко мне на перерыве?

- Нет, я подойду.

- Спасибо.

Она разворачивается, и я прячу глаза в своей тетради: не могу смотреть на неё сзади, моя эрекция уже пугает меня самого.

Мне восемнадцать, и ни разу ещё в моей истории со мной не случилось подобного: я никогда так остро не ощущал потребности в близости, меня не влекло к женщине настолько старше меня, моё сердце не билось с такой силой, а физиологические процессы в моём теле не были настолько вне границ контроля – я будто окаменел ТАМ!

И всякий раз, как я поднимаю свои глаза и вижу черты её лица, подбородок, скулы, о которые можно порезаться, губы в которые хочется уткнуться своими, в моём животе поднимается щекощущая изнутри волна, она опрокидывает меня, и не даёт подняться вновь.

Я умираю от изгиба её шеи, нежности ушных мочек, украшенных маленькими бриллиантами, светлых волос, туго стянутых в строгую причёску. Её руки сводят меня с ума своими тонкими запястьями, и каждый раз, как она берёт ими мел и пишет на доске свои формулы, я чувствую волшебство, плотной вуалью накрывающее мою душу.

Я запрещаю себе смотреть на её бедра, потому что знаю: успокоюсь нескоро, а она в любой момент может вызвать меня к доске, выписывать очередное не укладывающееся в моей голове уравнение. Я никогда ещё не ощущал себя таким тупым, особенно в те моменты, когда она стоит так близко, что я могу уловить её запах...

Но самое необыкновенное в ней, самое необычное, неподражаемое – её глаза, их бесконечная глубина и мудрость. Кажется, она знает всё, видит насквозь, чувствует каждую твою вибрацию. И в этих глазах хочется тонуть... причём добровольно, не страшась потеряться в них навеки, забыть путь домой, отказаться от всего, что прежде считал важным, дорогим, стоящим внимания... Хочется идти за ней, куда бы она ни пошла, слепо следовать, лишь втягивая носом её божественный аромат...

В тот самый первый день моего знакомства с Валерией я понял, что у моей матери нет шансов и, по всей видимости, никогда не было. Единожды увидев эту женщину, понимаешь, как ничтожны, безлики и пусты все другие...

По окончании лекций случилось то, чего я ждал всю свою жизнь – я впервые увиделся со своим отцом, но мои чувства и эмоции оказались совсем не теми, каких я ожидал.

Для отца я оказался таким же «сюрпризом» в подарочной упаковке, как и для его жены. На его лице шок, в глазах страх, и вот она уже обнимает его, успокаивая. Он твердит ей какие-то свои оправдания, но её они не интересуют, как и меня.

Моё существование в принципе – его косяк. Я – случайность, следствие необдуманного поступка.

Я не чувствую любви, не ощущаю восторга от долгожданной встречи с ним, нет... Ничего этого нет, зато есть кое-что другое: я не могу оторвать своих глаз от его жены и с удивлением прислушиваюсь к своему сердцу, которое забыло, похоже, что такое ритм, и трепещет как лихорадочное. Мне всё равно, что скажет он, мне важно, чего пожелает она. А она предлагает:

- Эштон, в гости к нам хочешь?

- С удовольствием! – отвечаю, захлёбываясь собственной неожиданной радостью.

- Тогда все вместе и поедem, заодно сразу все и перезнакомимся, чего уж там! Какой смысл тянуть? А никакого! – заявляет, вытирая уголки своих глаз.

Да! Только с его появлением маска с её лица спала, и она стала мягкой, нежной, ранимой женщиной, умеющей чувствовать, не знающей, как спрятать переполняющие её эмоции.

Мне показалось в тот момент, что сама она и её душа – тонкие паутинки, слабые, бессильные, и

только он, мой отец, умеет, знает, как наделять их мощью...

Я заметил, как она смотрит на него: так, будто кроме него во всём мире нет ничего более материального, и он – единственное, что ей нужно для жизни. Она взглядом ищет в его глазах нечто, известное только им двоим, и находит. Они вжимаются друг в друга, забыв обо мне, и мне вдруг становится бесконечно больно и страшно...

Как много любви заключено в этих объятиях? Ни разу не виданный мною доселе концентрат! Как много отдать её они согласятся?

Она знакомит меня со своими дочерьми, их три: самая старшая – Софи, та самая, которую отец так самозабвенно обнимал на фото, только теперь она уже не девочка, а девушка. Красивая, стройная, очень похожая на Валерию внешне, но больше всего глазами и тем, что в них – особенная глубина.

Средняя и самая красивая из всех – Лурдес: темноволосая, кудрявая, с идентичным моему, а значит, и отцовскому, разрезом карих глаз. Лурдес ещё совсем ребёнок, но взгляд у неё не детский – женский.

Самая младшая – Аннабель, голубоглазая девочка блондинка. Ей достаётся меньше всего ЕГО внимания, как и мне впрочем. Это легко увидеть в деталях, например, в том, как долго он обнимает каждую из своих дочерей при встрече, и только одну из них целует – Софью.

А вот Валерия, напротив – ко всем одинаково расположена, всем уделяет равное количество своего внимания и любит, кажется, тоже всех одинаково сильно.

Лурдес тут же ставит меня в известность о том, что Аннабель – не родная дочь её матери, мне об этом известно из моих журналов, но я замечаю другую важную деталь – то, что сама Аннабель называет Валерию матерью... а Софья неродного отца отцом.

Мне всё это кажется противоестественным, но та любовь, в которой они купают друг друга, поселяет во мне неистребимое желание стать их частью.

Собственно, именно это уже и произошло, когда Валерия в приватной беседе сказала мне, что дом моего отца – мой дом, и что если я хочу, считаю уместным, то могу переехать жить к ним. Если же я считаю её предложение неудобным, то завтра же отец займётся решением вопроса моего жилья.

Я удивлён:

- В каком смысле жилья? Я живу в кампусе, условия отличные, мне ничего не нужно...

- Я в этом не сомневаюсь, но у твоего отца в некотором роде есть достаток и обязательства перед тобой, поэтому в самое ближайшее время он купит тебе квартиру и всё необходимое. Это не обсуждается.

Уже через неделю все мои студенческие счета были оплачены на четыре года вперёд – я понял, на что рассчитывала моя мать. Но ещё более важным оказалось для меня открытие того факта, что путь, который она придумала, был самым коротким и эффективным. Только спустя время мне станет очевидна та неприступная крепость, какой окружил себя и свою семью мой отец. Просто приехать и попытаться связаться с ним было физически невозможно – он окружён охраной и закрытыми дверями. У него бывают аудиенции в строго отведённые для этого часы, но в очереди мне пришлось бы стоять месяцы, и я совсем не уверен, что моя гордость выдержала бы эту нагрузку.

План моей матери оказался гениален: мягкая тонкая рука Валерии, однажды обнаружив меня, запустила мой звездолёт на сверхсветовой скорости к звезде по имени «отец».

Только спустя годы я пойму, как обманчива была та лёгкость, с какой я попал в их дом – никому ещё ни до меня, ни после не удавалось проделать подобное.

Глава 6. Царство Красоты

Max Richter - Dream 3

Их дом похож на отдельное государство со своей властью, законами, охраной, настолько многочисленной и совершенной, что её запросто можно считать серьёзной оборонной единицей. Я прозвал его Царством. «Царством Красоты», потому что всё здесь пронизано этой категорией, начиная с людей и заканчивая любой мелочью – каждая деталь, даже самый невинный предмет интерьера вопит о немыслимом недостатке, вкусе и стиле его обитателей.

Но эталоном красоты был и остаётся отец. И не только внешней, он задаёт тон внутреннему миру каждого из тех, кого считает членами своей семьи. И никто из них, кажется, даже и не осознаёт до конца всей мощи его влияния на них. Он красив от природы, он одевается только в красивые вещи, ездит на красивых машинах, живёт в самом дорогом и самом красивом в Сиэтле доме. У него красивые дети. Часть своей красоты он умудрился передать своему потомству: мне и Лурдес. Мы привыкли к восхищённым взглядам, к извечной заинтересованности противоположного, а иногда и своего пола. Мы рождены с этим наследством, и каждый из нас будет решать сам, как им воспользоваться в жизни.

Но главное – это его поступки и его отношение к жизни, его принципы – всё это пронизано идеей его субъективной внутренней красоты. Он не делает того, что считает уродливым, не важно, в физическом воплощении или же с идейно-нравственной точки зрения.

Его жена – неповторимо красива, и никто, совершенно никто не сравнится с ней. Она красивее моей матери и хотя биологически старше, глаза мои видят женщину, моложе матери лет на пятнадцать. У Валерии совсем нет морщин, седых волос, избыточного веса или возрастной уродливости фигуры. При этом её и идеалом не назовёшь, но именно в этом, кажется, и заключён её шарм. Но и не только в нём дело – она завораживает взглядом, невыразимой глубиной своих синих глаз, которые умеют совершенно искренне светиться теплом, мягкой женственностью. Это и есть то, чего всякий мужчина ищет в женщине – бесконечная, умиротворяющая нежность, способная поглотить все его терзания, поражения, неудачи и боли.

Объективно, у Леры совсем не модельная внешность, да и фигура далека от идеала – у неё слишком широкие для современной моды бёдра, но при этом, настолько полно соответствуют её образу, настолько возбуждают мужской пресловутый интерес своей формой, женственными линиями, что я каждый раз твердею в её присутствии. Хочу её. Иногда до безобразия сильно, но знаю, что никогда не получу ни на один раз, ни на многие, и по этой причине хочу ещё жёстче.

Она – его женщина, и разумеется, он не мог выбрать просто девушку, он нашёл лучшую из лучших, ту, которая способна свести с ума любого... И не важно, какого он возраста, вкусов или склада ума – её хотят. Все на моём курсе её хотели. Но, что интересно, осознание этого приходит не сразу, а только после того, как она хоть немного приоткроется, пусть в рамках своих профессиональных обязанностей – но хотя бы раз сделает это. И всё – тебя примагничивает.

И вот оно понимание: сексуально не столько её женственное тело, сколько личность, не хотят её первокурсники из-за стройных ног и бёдер, обещающих на уровне инстинктов здоровое и многочисленное потомство, а влюбляются в её персональное, неповторимое очарование, несущее главное – женственность.

Она в вечных заботах о своих детях и муже, её жизнь положена на алтарь счастья семьи, и это создаёт иллюзию полной лишённости эгоизма, добавляя её образу ещё больше света, заставляя мечтать любого, кто её узнает, только о том, чтобы попасть под это заботливое крыло.

И меня туда занесло одной мощной волной, которую было уже не остановить с того момента, как она впервые увидела меня.

Я буду помнить тот момент всю свою жизнь: красивая умная женщина смотрит на тебя, узнавая в твоих чертах то, что выжжет ей душу ревностью, болью предательства. Никто не посвящал меня в детали, но я знаю, каждой клеткой своей кожи чувствую, что в ту ночь, когда отец был с моей матерью, он предал именно её, Валерию.

Она долго смотрела на моё лицо, в глаза, застыв в оцепенении настолько очевидно, что абсолютно каждый из почти сотни студентов, присутствующих на её самых ценных в этом заведении лекциях, понял, что между новеньким мной и профессором, более похожем на нимфу или ангела, имеется весомое «личное».

И я не отрывал, не прятал взгляда, потому что хотел этой её боли, мечтал о ней долгими одинокими ночами в нашей с матерью убогой квартире. А когда увидел... больно почему-то стало самому.

Я был юн, глуп, необоснованно обозлен и совершенно неопытен. Я и понятия не имел о той боли, на которой они построили своё Царство Красоты, скрыв её в подвалах и тайниках собственных душ, строго наказав им радоваться и любить, пока есть такая возможность, ведь её может и не быть. В одно мгновение не стать: не важно, автокатастрофа заберёт твоих самых дорогих близких или неизлечимая болезнь – судьба бывает, порой, безжалостна, потешаясь над нами.

Мне было невдомёк, что разорвать их, растащить в разные стороны невозможно. Нет в природе иного явления, кроме смерти, способного это сделать.

Я не собирался им мстить, но и не ждал жаркого приёма. А они приняли, причём все и без единого вопроса. Никто в тот самый первый мой вечер в их доме, который Валерия упорно нарекала и моим тоже, не задал главного вопроса: откуда я вылез? Из какой забытой Богом дыры? Как посмел

ворваться в своих нищих тряпках в их Царство?

Я ждал ненависти с их стороны, жадности, упрямого желания не мириться с отцовским финансовым вниманием в мой адрес, но так и не дождался. Им всем до единого оказалось всё равно.

Сколько же у него денег? – подумал я тогда. Оказалось, так много, что умом не осознать, и он раздаёт их по строгой системе, выделяя в первую очередь тех, кому нужнее – онкологическим больным. Я знал и раньше, что отец и Валерия курируют фонд имени некоего Джоша, почти полностью покрывающий немислимые медицинские расходы на детскую онкологию. Но только теперь понял, что всё это из его, отцовских личных денег, не его компании, а его собственных, тех, которые он мог бы потратить на себя и своих детей.

Самым трудным для моего меркантильного ума, слишком хорошо знающего, что такое выживать и даже недоедать, не получать элементарных продуктов, таких как фрукты и мясо, например, оказалось принятие того факта, что все его дети прекрасно знают о том, куда уходят их, по сути, деньги. Каждой из дочерей с рождения привита мысль о необходимости поиска своего призвания. В Царстве никто не использует таких слов как: выгодно, престижно, денежно, перспективно, когда говорят о выборе будущих профессий. Они говорят о способностях, совместимости личности и темперамента с выбранным занятием, но главное, о желании им заниматься, о степени интереса.

И тут я вдруг вспомнил, как в детстве, лёжа в больнице, считал своего хирурга едва ли не Богом, и поклялся себе, что когда вырасту, обязательно обучусь именно этой профессии и стану лечить всех до единого детей бесплатно. Но память хранит и то, как рассыпались мои детские мечты от материнских слов о том, как дорого может стоить такое образование, и что, скорее всего, мы никогда его не потянем.

И я рыдал от бессилия. От обиды на жизнь и судьбу, ведь я ж хотел лечить всех бесплатно, так почему же нельзя выучить одного меня без денег?

Вот так детские радужные мечты разбиваются о грубый гранит реальности, которую мы называем жизнью.

Почти сразу моё внимание привлекает самая старшая из сестёр – Софи. Высокая, гораздо выше матери, девочка с синими как небо глазами. Её тёмные волосы заплетены в аккуратную косу, кончик которой она иногда нервно тербит своими пальцами. Софи разглядывает меня с по-детски неприкрытым интересом: слишком явно, слишком открыто, слишком безбоязненно.

«Хорошие девочки так не ведут себя с парнями», - говорю себе и игнорирую её. Я знаю, что она единственная из троих не имеет со мной общих генов, а это означает очень многое и очень мне ненужное.

Валерия выделяет меня из толпы своих студентов. Профессорская справедливость и равные возможности для всех – это не про неё. И наличие личного между нами она даже не собирается скрывать, чтобы не вызвать негодования остальных её подопечных в кампусе – ей незачем! Её авторитет так необъятен, что никому не приходит в голову и мысли хоть в чём-то её обвинить.

Она относится ко мне, как... мать? Странно и необычно это признавать, но именно это я и наблюдаю. Да что там! Моя родная мать никогда не излучала СТОЛЬКО тепла в мой адрес. Валерия ВСЕГДА мне улыбается, её интересует, где я был, что делал, всё ли у меня есть, что нужно, и хорошо ли меня накормили в столовой. Это не совсем нормально, но приятно. Я чувствую, как втягиваюсь, привыкаю к этой её вездесущей заботе, расслабляюсь, плавая в ней как в первичном бульоне.

В моём мобильном наибольшее количество звонков от Валерии, и меня даже уже не удивляет тот факт, что если я кому и звоню, то в основном ей...

Отец как бы есть, но в большей степени номинально. Он без церемоний обрисовал своё состояние, свои предпочтения и цели в жизни, и при мне его адвокат вписал моё имя в его завещание. Я не ожидал. Я думать не мог, что всё это будет развиваться в таком космическом темпе. Но самое странное то, что он ни разу, ни единого, не усомнился в том, что я – его сын. Ведь в жизни возможно что угодно, мошенников никто не отменял и тому подобные вещи. Да и охотниц за его состоянием, я думаю, он повидал в жизни немало. Внешнее сходство... А если это всего лишь совпадение? Как можно так легко ставить свой росчерк на дорогой мелованной бумаге, отдавая миллионы?

Теперь у меня есть всё. Всё, о чём я даже и не мечтал. А о чём я мечтал? О том, как обнимет меня отец при встрече. О том, как возможно, он заплачет, сожалея о тех моих 18 годах, которых не было в его жизни. О том, что почувствует свою вину за мою беспризорность и местами нищету и обнимет ещё крепче.

Но он не обнял. При первой встрече ему было не до моих объятий – всё, что его волновало –

Валерия. Я понял, что она – главное в его жизни, и не стал обижаться, но ждал, что отец обнимет меня позже, когда придёт в себя, когда осознает произошедшее и примет его... Его и меня в свою жизнь.

И он принял, ещё как принял, но так и не обнял. Тогда он обнял свою любимую не дочь – Софью. А мои объятия случились гораздо позже и, скорее, по моей нетерпеливой инициативе, нежели по его желанию. Я видел его поступки по отношению ко мне, они внушали уважение и рождали в моей душе... счастье? Да, пожалуй, это было именно оно. Я был счастлив от той скорости, неоспоримости и отсутствия с его стороны каких-либо колебаний в отношении принятия меня в семью. А ведь в тот момент я даже и понятия ещё не имел, ЧТО она означает для него, и в какой закрытый храм меня впустили.

Отец купил мне квартиру в самом центре Сиэтла, и я прожил в ней достаточно долгое время, прежде чем узнал, в каких невыносимых хоробах живу – ведь столько денег стоить могут только ... дворцы? В тот день у меня случился шок: не для обычных людей этот город, этот небоскрёб и эта квартира с частично прозрачными стенами, открывающими моим неискущённым глазам потрясающий вид на один из самых печальных и красивых городов в мире, на мой Университет, прямые и простые в своих строгих геометрических очертаниях улицы, вечно бегущих людей с бумажными стаканами горячего кофе Starbucks или Tim Horton. Другая страна, другие привычки, нравы, другие образы. Но жизнь моя стала похожа на восхитительную картину. Одну из тех, что легко и быстро продаются, будучи популярными у покупателей благодаря своей яркости, насыщенности цветом и событиями...

Цветные картинки мелькают перед моими глазами одна за другой, складываясь в пёструю, но счастливую плёнку моей теперешней жизни. Кажется, теперь у меня есть то, чего никогда не было до этого – полная, любящая семья.

И больше всех меня любит..., чёрт возьми, Софья!

А я охотно бы поменялся с ней местами...

Девчачьи романтические ожидания в мой адрес написаны красным маркером на её лице, и то, как смешно она старается это якобы скрыть, рождает в моей душе странное тепло... Я всеми силами стремлюсь дать ей понять, что между нами возможна только дружба, и она, кажется, понимает. Я рад и горд, что управляюсь с такими незначительными недоразумениями как тинейджерские чувства одной из отцовских дочерей, доволен собой и жизнью.

Пока не приходит самое первое и самое фатальное для моего счастья разочарование.

Моя дружба с Софи сплывала лишь один раз – мы поцеловались. Это был... ничего не значащий, почти невинный поцелуй двух подростков с разгулявшимися гормонами, случившийся в сказочно красивый, фантастически счастливый Рождественский вечер. Жизнь, как никогда, казалась наполненной смыслом, мне хотелось любить всех и всё вокруг..., и я поцеловал её губы. Мягкие малиновые губы своей сводной сестры. Любимой дочери моего могула-отца. Он был приятен, как и все поцелуи юных невинных девочек в моей жизни, и я не знаю, во что он мог бы вылиться, по какому пути двинулись бы наши души, если бы не последовавший в тот же самый вечер разговор с ним... с человеком, которого больше всех на свете жаждало моё сердце.

Отец вызвал меня в свой кабинет и без прелюдий расставил все точки:

- Соня из тех редких людей, кто умеет чувствовать глубоко, как и её мать. Но Лера всегда могла держать удар, стиснуть зубы и идти дальше. Лера умеет говорить себе "нет, это не для меня". Она будет страдать, но искать варианты. Соня - нет. Соня бесконечно ранима, хоть и пытается скрываться за своим сарказмом - это всё напускное! Она - самый тонко чувствующий и сопереживающий ребёнок из всех, кого я знал. Лурдес и Аннабель, хотя они и младше, уже сейчас умеют защищаться, даже показывать зубы миру, если в этом есть необходимость. А Соня нет. Я противник любых вмешательств, всегда был убеждён, что только двое вправе решать, что им делать, и не важно, правильно это или нет. Будь на её месте Лурдес, в том же самом возрасте, разумеется, я никогда бы не позвал тебя в этот кабинет. Но Соня... Соня, это половина моего сердца и моя боль. Наверное, потому что сам такой же. Поэтому, Эштон: не уверен - не обещай, не давай ей ложных надежд! Ты мужчина и на тебе ответственность. Не дай ей упасть!

Сказал, как отрезал. Ткнул меня носом в моё непотребство. Нельзя ранить его девочек, нельзя начинать с ними то, что не имеет гарантий качества.

Здравствуйтесь, я Эштон Дикстра, русский по отцу, поляк по матери. Рождён и возвращён в одном из самых нищих районов Парижа, принят в семью богатого и влиятельного отца. Но, как и любому безродному щенку, мне указали на место, очертив границы дозволенной для перемещения территории.

Глава 7. Ревность и зависть

Max Richter - Dream 13

Ревность и зависть - две мои сестры-подруги, всегда со мной, всегда рядом.

Её влюблённые глаза бесят меня до умопомрачения, да само присутствие этой девчонки вызывает зубовой скрежет! Вечно маячит на горизонте её лицо, вечно высматривает меня, выслеживает, не давая и шагу ступить без этого невыносимого шлейфа её взгляда: «ты предатель!».

Да, предатель! И мне по фигу на это! И ты не будь душой, у папочки своего не единокровного поинтересуйся, почему!

Отец... Бросает все дела и мчится спасать свою обожаемую «не дочь». Пилит час до места назначения, это если без пробок, находит тебя, прижимает к себе, ласкает, будто тебе пять лет, а не семнадцать, а потом домой, ещё часок. Да знаешь ли ты, сколько народу мне пришлось отшить с тех пор, как стал вхож в вашу семью? Десятки! Десятки или сотни, мать вашу, попрошаек или гениев умоляли меня устроить с НИМ встречу!

Но он непоколебим:

- Есть время для семьи, а есть для работы, Эштон. Занимать семейное время и посвящать его работе - это самое тупое, что можно сделать!

И плевать ему, по какой причине просят встречи, нужна помощь, умирает кто-то или просто денег хотят срубить, разжалобив могула - он скала! Есть часы приёма, по пятницам вроде, все туда, все в очередь! А очередь эта стремится к бесконечности.

А он вот так одним махом спускает три часа на подтирание соплей влюблённой дуручки, подбирая её на вечеринке, где, о, страшная кара, снизойди на меня за это, её посмел обидеть сводный брат и его сын. Да она же тебе, чёрт тебя возьми, даже не дочь!!! И что? Извозчиков мало у тебя? Водителя прислать не мог, сам припёрся!

Я ненавижу её... **НЕНАВИЖУ!**

У нас прям любовный треугольник: она слюни пускает по мне, я жду с замиранием сердца от отца хотя бы внимания, а он не отрывает своих глаз и рук от неё. Любит её. До потери сознания любит, только не мужской, а отеческой любовью. Да! Мать вашу, той самой, которая должна была достаться мне, Лурдес, Аннабель. Да хотя бы им, девчонкам, но нет! И они подбирают только крошки с ЕЁ стола...

Он настолько идеален, что даже тошно: редко выходит из себя, умело скрывает ненужные эмоции, свободное и несвободное время распределяет с исключительной целесообразностью, посвящая каждую потенциально возможную минуту своей семье. И он спит только со своей женой! Это уже нонсенс! Тошнотворный нонсенс! После стольких лет жизни с женщиной, на сексуальность которой неумолимо давит возраст и... шрамы пережитого прошлого, вряд ли он не хочет других - просто маниакально печётся о её спокойствии.

Вначале я наивно верил, что он так обожает свою Леру, что других просто не видит. Ещё как видит. Видит, но не реагирует. Сам вызывает шквал реакций в свой адрес. Женщины хотят его, причём одержимо. Сам я никогда не испытывал недостатка в женском внимании, даже наоборот, слишком много его всегда было, но чтобы так, как у него... Такого не было никогда. Я так и не понял, как это у него получается, что он делает с ними? Может, неосознанный гипноз какой-нибудь?

При этом одним взглядом убивает на корню любые поползновения в свой адрес. Останавливает их глазами прежде, чем они решатся подойти и прикоснуться. Когда-то я восхищался такой силой в нём, сейчас же всё это бесит!

Во всей этой буре эмоций я не замечаю, как мои приоритеты смещаются, как медленно и незаметно трансформируются желания.

Мне нравится Валерия. Нет, то, что я реагирую на неё физически, меня не удивляет, хотя подобной реакции на взрослых женщин никогда за собой не наблюдал, но то, что она занимает большую часть моих мыслей и восхищает так, как никто до этого не восхищал - меня пугает.

Пугает, потому что Валерия - женщина отца, а значит никогда и ни при каких обстоятельствах для меня не доступна. Он не просто любит её, он одержим: это видно в его взглядах, жестах, стремлении сдерживаться при детях, именно стремлении, потому что иногда это плохо у него

получается. Я заметил, что ему совсем сносит крышу, когда она возится на кухне. В такие моменты его самообладание трещит по швам: он не отходит от неё, всё время крутится рядом, настойчиво предлагая свою помощь, но, по сути, больше мешает ей. Она тоже сдерживается – старается не гнать его, но, бывает, он переходит границы... И однажды я это наблюдал...

Max Richter - Dream 1

У него есть привычка обнимать её сзади в то время, когда она сосредоточенно что-нибудь нарежет или смешивает в миске. Эти объятия обычно переходят в ласки: он убирает волосы с её шеи и целует. Никто на это не обращает внимания, все остальные дети в этом доме, похоже, давно привыкли к подобным сценам и не реагируют, занимаясь собственными делами. Поэтому никто не наблюдает за родителями, кроме меня. А я смотрю и вижу, как он целует её, как увлекается, и это видно в позе его тела, стремящегося обернуть эту невысокую женщину со всех сторон, и как совершает то, что не укладывается уже даже и в ЕЁ рамки: он кусает её шею, чувствительную затылочную часть. Она дёргается, словно ошпаренная, хотя ясно же, что ей не больно, нет... это был укус совершенно иного характера. Отец тут же отскакивает от своей жены с виноватым лицом, и, наверное, его ждало бы распятие, если бы не мои глаза. Валерия смотрит то на своего мужа, то на меня, и хотя она ничего не говорит, негодование радирует от всей её сущности, отталкиваясь от стеклянных стен этого дома и заполняя всё его пространство.

Я умею хорошо готовить, но уже понял, что с этим умением не стоит высовываться. Кухня – запретная зона, там часть их мира, и мне в нём не место.

Но потребность в ЕЁ внимании с каждым днём растёт всё больше и больше. И я замечаю, что думаю только об одном – как найти повод, чтобы увидеть её. И желательно наедине. Прикидываюсь тугодумом – мне плевать, какого она мнения о моих умственных способностях, главное – занимается со мной дополнительно и в индивидуальном порядке, чего не достаётся ни одному из её студентов.

У Валерии нет никакой одержимости своей работой. Она любит математику, но не преподавательство. Она никого не подпускает к себе близко и никогда не интересуется успехами своих же студентов. Все они для неё – серая масса. Она великолепно читает свои лекции, но лабораторные и практикумы ведёт не она. Эта женщина не карьеристка, самое важное в её жизни – семья. Поэтому в три часа дня, ещё до того, как закончится её последняя лекция, отцовская машина уже стоит под окнами её аудитории.

Обычно неуспеваемость – проблема студента, но никак не профессора Соболевой. Но мой случай необычный. Я не знаю почему, но Валерия как будто считает себя обязанной помогать мне, и я этим нещадно пользуюсь. Она отвечает ровно на столько вопросов, сколько я задам. Иногда, правда, намекает на излишнее усердие:

- Эштон, эта теорема уходит слишком далеко за рамки программы, но если тебе интересно, я объясню.

- Мне это очень интересно! - улыбаюсь ей так, как никогда и никому не улыбался.

И я стану слушать все теоремы мира, если только её голос будет звучать в моих ушах, обволакивая полем необъяснимого кайфа...

Я стараюсь не думать о происходящем, о своих чувствах, которые, оказывается, у меня всё-таки есть. Да, именно так, ведь до этого был уверен, что их нет совсем: женщины, вернее, девушки, всегда оставались для меня существами, чьи поцелуи приятны, но ещё приятнее иные места, которые я использовал с целью удовлетворить свои физиологические потребности.

Я никогда и ни к кому не ощущал...нежности? Да, пожалуй, это именно то слово. Или как называют желание прикасаться так, как это делает отец, например? Теперь я не просто её ощущаю, теперь у меня имеется острая потребность эту нежность куда-нибудь деть... Вернее, не куда-нибудь, а вылить всё, что накопилось почти за год, на один единственный, вполне конкретный объект.

Недавно я узнал, что мой отец в своей бурной молодости дарил направо и налево деньги и недвижимость. Двухbedрумную квартиру, например, или студию за секс. Я тоже заслужил: подарили и мне квартиру - в Париже. Честно заработал - выручил его дочь, вовремя предотвратил групповое как минимум изнасилование, как максимум с последующим лишением жизни. Я думаю: а чего в Париже-то? С чего вдруг? Меня вроде тут приняли, в дом впустили, сыном назвали, наказали любить сестёр и в любое время являться к ним в гости без приглашения - потому что в семье так и поступают. И тут вдруг Париж...

- Зачем? - спрашиваю.

- Не стану врать, что в Сорбонне тебя будут учить лучше, чем здесь, - мягко объясняет отец. - Скажу честно: так будет лучше для всех.

- А все, это кто? - интересуюсь.

- Все - это все, но лучше будет тебе, твоей матери и Соне.

- Ах, Соне! - я с трудом сдерживаюсь, чтобы не блевануть от приторной отцовской любви.

- Ты и сам видишь, что она творит. Нужно вас развести на время, иначе она совершит что-нибудь непоправимое.

- Так её и отправляй! Я-то тут при чём?!

- А при том, что я не могу выпустить её из-под контроля, Эштон! Она сейчас в крайне опасном состоянии - дай ей волю, ещё с собой покончит!

- Тогда объясни мне, почему за её проступки наказание несу я?

- А ты совсем ни при чём у нас, да, Эштон?! Глупая дурочка чудит, а ты герой! Не так ли?

- Не понимаю, на что ты намекаешь?!

- Разве не ты провоцировал её? И тогда, у Алексея на вечеринке, и два дня назад на собственной!

- Зачем?!

- Тебе виднее, наверное, зачем ты это делаешь. Но метод выбрал НЕВЕРНЫЙ!

- А какой верный?

- А вот этот и верный, который я озвучил тебе раньше: не можете вести себя как взрослые люди, значит, я разведу вас по разным углам до тех пор, пока не повзрослеете. Чтобы все остались целыми и невредимыми, и те, кто дразнит, и те, кого дразнят!

- Да с чего ты, блин, взял то, что я её провоцирую?! - и вот сейчас мне действительно интересно.

- Из своего собственного жизненного опыта: ни один разумный мужик не станет заниматься петтингом с другой на глазах у влюблённой до беспамятства девчонки! В её возрасте и неудачная стрижка может привести к летальному исходу, а такое, как ты творишь...

- Я понял, - прерываю его. Достал своими нравами.

Я понял и первое же место, куда меня несёт подаренный отцом же Мерседес кабриолет - остров Бейнбридж. Сегодня у НЕЁ не рабочий день. Сегодня она дома.

Она дома, а мне сорвало крышу: я ненавижу отца, но ещё больше - Софью. Я несусь на скорости, выжимая рёв из немецкого автомобиля, чтобы не натворить каких-нибудь других глупостей, потому что моя энергия в этот момент мне кажется неуёмной...

Я вхожу в их дом, потому что у меня есть электронные ключи и доступ по скрину отпечатков пальцев. Я не предупреждал её, потому что такие визиты не требуют предупреждения. Она на кухне готовит обед, но меня не слышит - слушает музыку в наушниках, так ей больше нравится.

Валерия замечает меня только в тот момент, когда я максимально рядом, в каких-то пяти сантиметрах от неё.

По взгляду вижу - она уловила моё настроение. Мы оба замираем, мы оба ждём неизвестно чего. Вернее, я жду момента, любой провокации с её стороны, и она об этом знает, потому и не делает ничего, только смотрит в мои глаза...

Этот взгляд ни с чем не сравнить, его не описать словами, не передать его мощи и паранормального смысла, он убивает и возрождает, забирает все силы и тут же наделяет ещё большими...

Наконец, Лера поднимает руку, чтобы снять свои наушники, и успевает произнести только:

- Что случилось, Эштон?

И всё. Мои тормоза вырывает ко всем чертям с болтами. Мои руки на ней, губы тоже... Я целую так, как не целовал никогда в жизни, я хочу её так, как никогда и никого не хотел, я сжимаю её своими руками с такой силой, что у неё нет даже малейшей возможности пошевелиться, сопротивляться, остановить меня. Я целую её губы и замечаю, что она сладкая, как и те маффины, которые сейчас печёт, я целую её лицо, шею плечи, и ничего не понимаю из того, что она мне говорит одним из своих металлических голосов, которые я никогда не слышал в этом доме, но не раз в её аудитории...

В какой-то момент моя хватка ослабевает, она мастерски его ловит и вырывается, тут же залепив

мне пощёчину...

О! Этот удар вряд ли можно назвать таким невинным словом, хотя он и пришёлся по щеке... Меня били девочки и не раз, и то были нежные поглаживания в сравнении с этим... На секунду мне показалось, что она вышибла своей маленькой рукой все мои мозги на хрен...

Но как только темнота в глазах рассеялась, сменившись картинкой всё той же кухни и разъярённой Валерии, я тут же испытал острейшее желание объясниться:

- Я люблю тебя! – хотелось сказать, но вышло так, что прокричал.

Она ответила не сразу. Только спустя время, когда мои мозги уже могли воспринимать то, что она говорит:

- Я знаю. Но это не даёт тебе права делать то, что ты только что сделал. Я замужем, и мой муж – твой отец. Я люблю его больше, чем ты можешь себе представить. И это не изменится никогда. НИКОГДА! Даже если он умрёт, я буду любить его до конца и своих дней тоже.

И я словно падаю на землю... с очень и очень большой высоты.

- Я знаю, что тебе больно от его решений. Но он мужчина, поэтому я обязана принимать их. Для тебя он отец, и ты тоже обязан принимать их. Иди и делай то, что он говорит. Придёт время, и ты вернёшься. А когда-нибудь мы вместе просто посмеёмся над тем, что сейчас произошло. Вдвоём! Он никогда! НИКОГДА не должен узнать об этом! Понял меня? – последнюю фразу она произнесла с такой экспрессией, что мне ничего не оставалось, кроме как дать ей тот ответ, который она хочет:

- Понял.

Только он всё равно узнает. Он всегда всё узнаёт.

А дальше три года сытой и обеспеченной жизни студента Сорбонны. Рядом мать, и это плюс. Но нет ЕЁ и это... это почти невыносимый минус. Иногда она приезжает, с отцом или дочерьми, которых регулярно привозит... ко мне! Меня вышвырнули с материка, но не из жизни, и этот факт понемногу отогревает моё сердце. Отец приезжает чаще всех, помогает получить интересную работу – я управляю стартапом строительной компании и учусь.

- Лучшая учёба – на практике, – заявил мне отец. – Я всему учился на собственных ошибках, у тебя есть теория в Вузе, практика на работе и я – чтобы давать дельные советы. Учись.

И я учусь.

Маюми привлекла моё внимание своим открытым при всех признанием в том, что девственно чиста, и что близость с мужчиной в её индивидуальном случае возможна только после брака – из-за веры. Я был заинтригован и... пойман на своей слабости – тяге к девственницам. Пришлось призвать весь свой шарм, коего в моей личности кот наплакал, и удариться в ухаживания. Мне и самому было интересно: а смогу ли я раскрутить азиатку с кукольной внешностью на секс? Разумеется, не обещая ей женитьбу. О какой свадьбе может идти речь в 22 года?! Зачем? Проходили месяцы, но результата не было, и меня охватил настоящий азарт. Я менял тактики, тратил деньги и время... И не заметил сам, как привык к ней, стал испытывать потребность в её присутствии, милом вездесущем лепете, лишённом, как правило, всякого смысла, утренних массажах – да, она легко оставалась ночевать у меня, зная наверняка, что никогда к ней не прикоснусь, если сама не позволит. И она готовила мне еду... Именно тогда я впервые понял, как много для мужчины значит забота! Жизнь и её восприятие меняются, если около тебя стабильно порхает твой ангел, всегда готовый услужить, порадовать, изнежить.

И вот, я уже почти потерял надежду добиться желаемого результата, как вдруг, совершенно неожиданно это происходит. А наутро я понимаю, что мы уже давно живём вместе...

Но я не из тех, кто дарит кольца девушкам, впервые позволившим мужчине быть с ними. Тем более что я, многократно опытный Эштон, удивился тому, насколько раскрепощённой и умелой оказалась в постели японская девственница. Она, словно считав мои мысли, предъявила пятно и признание в том, что в их роду: «...девушек обучают всему, что важно в браке. А дарить радость мужчине в постели не менее важно, чем умение крутить роллы и сушими!». С этим сложно не согласиться, единственное, на что я не спешил подписываться, это на использование слова «брак» для характеристики наших с ней отношений.

Не спешил, пока одним прекрасным утром не получил подарок – положительный тест на беременность. В то же самое утро я понял, что весь последний год был вовсе не охотником! Нет! Я был кроликом! И меня поймали. Или развели.

Я стал размышлять и понял: если опираться на собственное давнишнее понимание того факта, что

на такое эфемерное чувство как любовь я не способен в принципе, и единственная женщина, к кому я испытывал нечто похожее, замужем за моим отцом, то какая разница, кем окажется моя жена? Точно так же нет принципиальной разницы в том, в каком году женщина наденет кольцо на мой безымянный палец.

Произошедшему с Валерией у меня нет объяснения. Но мне кажется, что любовь так не выглядит. Выглядит не так...

Мы решили пожениться. Вернее, я решил - ребёнок ведь.

Маюми намекнула, что в её семье очень строго относятся к соблюдению традиций, очень ценят мужские поступки. Поэтому мы вместе выбрали «достойное» её семье кольцо. На бриллиантовое доказательство моей «любви» ушёл почти весь заработок студенческих лет. Эти деньги предназначались моей матери, но, разумно рассудив, что настоящая работа не за горами, я решил не расстраивать свою будущую супругу. Мы назначили дату свадьбы на декабрь, выбрали место - Сизтл. Маюми захотелось, чтобы вся её родня использовала такой важный повод для того, чтобы посмотреть мир и то место, где теперь будет жить её дочь... и внучка... и правнучка - семья у Маюми большая, если не сказать необъятная.

И вот, было нечто, что-то глубоко внутри меня, что не позволило привести невесту в дом матери. Какой-то стопор, необъяснимый внутренний барьер, словно моя душа знала, что всё это - ненастоящее и скоро закончится.

Случилось то, чего я не ожидал от себя. То, чему у меня до сих пор нет объяснения. Это был пеший поход в Канаде - развлечение для всей молодёжной части семьи. И мы с Софи «случайно» отбились от группы, потерялись, оставшись наедине на двое суток. Ежу понятно, что вся эта смешная ситуация была подстроена Алексеем, но когда я понял, что у нас совсем нет никакой связи с миром, по-настоящему испугался - никто и никогда не учил меня выживать в лесу. И на моей совести была ещё и девочка Софи. Да, та самая, которая так усердно выбешивала меня в мою прошлую жизнь в Сизтле, и из-за которой отец отправил меня в ссылку на три года в Париж.

Я так до сих пор и не знаю, была ли она причастна к организации нашего «уединения», но с её стороны больше не было никаких поползновений в мой адрес. Ни одного. Ни единого. А я их ждал, нахохлился весь, приготовился отбиваться... А когда понял, что ничего не будет, не заметил, как потянулся к ней сам. Я целовал её, и она думала, что я делаю это во сне. Ни черта я не спал - просто не мог сдержаться, делал то, чего дико хотелось в ту секунду. А вот источник и причины желаний были не ясны, и это ... испугало меня. Я убеждал себя в том, что просто реагирую на её красивое тело и чрезмерную близость, всё валил на свой зашкаливающий в последнее время тестостерон, пока не полез голым в её постель уже в отеле. Только тогда дошло, что меня влечёт к ней.

Я понял, что играю в её любовь, она, действительно, игрушка в моих руках, отец был прав. Не люблю её, отшвыриваю от себя, но как только она теряет интерес, меня душит желание вернуть всё обратно, также видеть влюблённые синие глаза девочки, которую уже привык считать своей тенью.

Мне стало тошно от себя, и я уехал, пока не случилось непоправимое - секс. Мы уже как минимум дважды были в шаге от него, и если бы я только раз сделал с ней это - отец бы не простил. Он бы стёр меня в порошок, у меня в этом не было сомнений. Поэтому я уехал и постарался свести эпизоды наших семейных встреч к минимуму.

И это шаткое затишье продлилось всего три месяца. Я совершил ошибку, пригласив Софи на празднование своего Дня Рождения, но и поступить иначе не мог - вся молодёжная часть семьи была в сборе.

И случилось то, что случилось: Софи словно с цепи сорвалась, такого открытого вызова на секс я не ожидал от неё. Она предложила себя, заявив, что давно мечтала, чтобы именно я был у неё первым.

Интересно, это совпадение? Неужели судьба так с нами играет? Ведь не могла она знать о моей слабости к девственницам - нет в мире ни единой души, с кем я хотя бы раз обсуждал этот свой заскок.

Я оказался в ситуации, где от меня мало что зависело: моего внутреннего монстра, питающегося девственницами, уже было не сдержать. И я бы сделал то, о чём меня попросили, и чего как животное желал сам, если бы в спальню «неожиданно» не вошла Маюми.

Так Софи легко и непринуждённо поставила точку в моей женитьбе.

О том, что ребёнка не будет, я узнал после произошедшего скандала с Софьей. Маюми рыдала, сообщая мне о замершей на фоне стресса беременности. Заявила, что это я виновен в смерти нашего ребёнка. Я не разделил её истерики - наверное, попросту не успел ещё достаточно хорошо привыкнуть к мысли об отцовстве. Огорчило другое: Маюми разобралась с медицинскими

проблемами сама, не посчитав нужным взять меня с собой на операцию. Тот путь, который непоколебимый Эштон проделал от желания секса с чересчур открытой девственницей до решения заключить брак с ней, наталкивал на определённые мысли. Я поинтересовался у своей почти состоявшейся жены, где именно врачи удалили из неё нашего умершего ребёнка, она, конечно, ответила, чего не скажешь о самом госпитале, работники которого не нашли никакой информации о пациентке с интересующим меня именем.

Я почти женился. Я почти связал свою судьбу с женщиной, дважды солгавшей в очень важных и интимных вещах!

И остановила меня в этой ошибке не кто-нибудь, а Софи. Только понял я это намного позже. А в то время, казалось, достиг апогея своей ненависти к Софье, уже не только из-за её поступков, но и по причине своих собственных. Я тешился, вина её во всех смертных грехах, но главное, в расстройстве свадьбы с девушкой, которую никогда не любил. И да, я какое-то время верил, или же хотел верить, что ребёнок Маюми умер из-за выходки Софи, хоть и знал глубоко в душе, догадывался, что никакого ребёнка никогда и не было.

Всё это стало таким очевидным только теперь, а тогда я целиком погрузился в аквариум, до краёв наполненный ненавистью...

Глава 8. Укусы совести

Max Richter - Non-eternal

Я всегда отталкивался от других, а теперь вот настал момент, когда моё собственное мироздание переворачивается, потому что впервые отталкиваться нужно от самого себя.

Раньше я был обижен на отца, на мать, на свою судьбу и рок, или как там это называют, пенял всем за свою безотцовщину, за отсутствие его поддержки, и не только финансовой, его слова, да пусть даже и крепкой трёпки за какие-нибудь косяки. Они ведь всегда есть у мальчишек, а как же без них? За то, что не было в моей жизни спорта, даже самого дешёвого и безобидного, просто никто и никогда не посчитал нужным отвести в секцию, даже не озвучивая какую, потому что мне что тогда, что теперь тупо всё равно, лишь бы было как у всех, как у других!

Теперь вворачивать нужно себе самому - изнасиловал девушку. Хорошую девушку. Очень хорошую. Сестру свою сводную! Именно сестру, потому что мой генетический отец любит её как дочь ... и даже больше. Он родных своих дочерей так не любит, и никто толком не знает почему. Но главное, они за это не в обиде ни на него, ни на неё: все давным-давно привыкли к тому, что есть отец и его любимая дочь Соня, за которую он голову открутит любому, кто посмеет... Никому не позволит тронуть её даже пальцем.

И никто в его семье не знает, каким жестоким он является на самом деле, как безжалостно давит конкурирующие фирмы, как выбрасывает людей из своей конторы за малейшую провинность, за малейший намёк на сексуальный интерес к нему или какому-либо другому своему работнику. И ему плевать на то, что семье нечем будет выплачивать баснословный моргидж, который до этого пожирал весь семейный доход, что будут урезаны и другие обычные минимальные семейные расходы, как оплата футбольной секции, например. Или семейный отпуск раз в году и на десять дней, а не как у него, когда вздумается и захочется его жене или всё той же дочери Соне. И ему плевать на всех с высокой колокольни, пока в его семье все до единого, включая и меня, купаются в деньгах, будто в сливочном масле. А всё из-за его дебильного заскока на сексуальной почве - он ярый противник измен, адюльтеров, секса и любых личных отношений на работе. Я даже знаю, что есть пары, вынужденные скрываться, были и такие, кто по добру уходили в другую компанию, чтобы только не быть выставленными с выговором и позором. Потом ведь работу уже не найдёшь не то что в финансовой сфере, а вообще - в Волмарт не возьмут. А ему плевать, и он это чётко обозначает своим неофициальным лозунгом, который известен абсолютно всем, от директоров до уборщиков: «Инстинкты свои нужно сдерживать, если вы хотите работать в моей компании».

И люди боятся его до одури, страшатся смотреть на противоположный пол и на него самого, не то что отношения мутить. И никто понятия не имеет, в кого он превращается, когда попадает в свой дом, который действительно можно назвать крепостью - столько охраны следит за безопасностью и близости, на самом острове, и дистанционно. Сколько денег на это уходит, знаем только я и Алексей.

Человек с двумя лицами: одно для внешнего мира, другое - для семьи. Семья у него - святыня, а он - её сектант, одержимо и с полной самоотдачей следящий за её сохранностью.

На эту Хелен, помощницу его, страшно смотреть - женщина зомби. Она одержима им, смотрит как на Бога, за выслугу лет он её не вышвыривает, а та, не будь дурой, на рожон не лезет, молча

глазами его жрёт. И даже если захотела бы она хоть как-то сместить с пьедестала царицу, к ней ведь не подступишься! Столько охраны, что мать вашу, президентов и тех охраняют не так тщательно. Я знаю, что даже среди студентов есть её охранники, и она об этом не знает, даже не догадывается. Каждый новый год подбираются специально обученные подходящие молодые парни, и она не обращает внимания на упорную статистику «пришёл-выбыл», а может, и замечает, но просто вид делает, что не знает ни о чём?

Ей тоже на всех плевать, кроме своих детей и мужа. В этом они спелись как нельзя лучше, недаром же говорят, что муж и жена – одна сатана! И эти двое сатана и есть, для всех, но только не для тех, кто входит в семейный клан.

А внешне – идеальная картинка: он известный меценат и успешный бизнесмен, слышал даже, что и в политике без него не обходится, только остаётся он в тени, скорее всего, всё из тех же соображений безопасности. Слава и признание ему ни к чему, всё, что его заботит: доехала ли любимая дочь до своего института целой и невредимой, всё ли в порядке с женой, и только после этих двух он поинтересуется родными своими кровными детьми. После них, но всё же поинтересуется, а больше – НИКЕМ! Никто больше ему не интересен.

В друзьях у него один только Марк – чувак с давними датскими корнями. Интересный экземпляр, главным образом тем – почему именно он в почётном звании единственного друга? Только ему позволено быть у трона, и только он один вхож в святое – в семью.

А теперь главное – даже матери моей туда вход воспрещён! На мою просьбу мне было сказано твёрдое и непоколебимое «нет!». Ни на окончание института, ни на празднование помолвки с моей так и не состоявшейся женой, вообще ни по какому поводу. Его семья – закрытый элитный клуб, куда меня самого-то едва впустили. Не удивлюсь, если сперва проверили вдоль и поперёк: чем живу, чем дышу, где замечен, в чём уличён. Никто туда не войдёт, пока его не просканируют до самых внутренностей.

Но матери моей и это не поможет. Она для него – чужой человек из внешнего мира, и там ей и оставаться. И по фигу ему, что ребёнка его выносила, родила, чуть не умерла сама при этом, да и сын её пострадал, отчего едва не остался инвалидом на всю оставшуюся жизнь. И плевать ему, что до восемнадцати лет одна тянула меня, что из кожи вон лезла, работая на трёх работах, добываясь главного – операции для сына, пока не поздно, пока у него есть ещё шанс остаться нормальным человеком с нормальными ногами и нормальной походкой, способного бегать, но не прыгать, и быть более-менее сносно похожим на мужика во взрослой жизни. Плевал он на всё это. Есть у него его женщина, его дочери, а остальные – провалитесь пропадом.

А теперь у него нарисовался взрослый и практически здоровый сын, ночей в больнице не нужно проводить со мной, пока восстанавливаюсь от очередной операции, и денег копить на реабилитацию и тупо экономить на еде. Я ведь в детстве не то, что спорта, я фруктов элементарно не видел, пока мать училась, работала и меня лечила – на всём же сэкономили. Я матери своей почти не знал, она вкалывала с утра и до ночи, потому что массажи нужны были без конца, чтобы тонус снять, чтобы на консультацию к ортопеду сходить, которая стоит как вся материнская месячная зарплата. И ведь он как бы и ни при чём, не знал же ведь о моём существовании! Просто вставил понравившейся девке и свалил по своим делам, он ведь всю жизнь такой занятой был, всё работал, зарабатывал состояние! Некогда ему шалавам всяким звонить, в которых он кончал по неосторожности, забывчивости или тупо по пьяни. Я и не знаю, как там у них всё было-то. Нетрезвый он был или просто безразличный. Не побрезговал моей матушкой без резинки – и то хорошо. Жизнь мне типа дал! А я просил его о ней? Их обоих?! Я о ней просил?

Глава 9. Первый разговор с отцом

Max Richter - On Reflection . . .

Я наблюдаю за тем, как тонкая медицинская игла прокалывает кожу, разрывая ткани, как входит в вену, и получаю особенное извращённое удовольствие от этой незначительной боли, от присутствия инородного предмета, несущего моему телу потенциальное разложение и... смерть.

Смакую это слово, верчу его на языке, давно приучая собственное сознание не реагировать на него эмоциями, давлю естественное желание выжить, выгresti любой ценой.

Содержимое шприца медленно соединяется с током моей крови, разнося по телу сладкую истому расслабления, феерии, наслаждения собственным телом...

Я никогда не делаю этого в ванной или сидя в полусогнутой скрюченной позе на полу, как часто показывают в кино. Нет, я ввожу в свою кровь наркотик, только лёжа на кровати и только ночью, чтобы обеспечить процессу получения кайфа нужный мне уровень полноценности.

Эйфория растекается по телу подобно волшебству, принося наслаждение и невыразимое чувство покоя. Она стирает все переживания, страхи, боли, но главное – единственная способна убить чувство вины и стыд. Не навсегда, на время, но тем не менее.

Мне хорошо, мне сладко, я плыву в спокойной реке, позволяя её водам ласково нести моё тело к тому берегу, за которым больше ничего нет. И эта перспектива не пугает, нет, она радует. «Собаке собачья смерть!», любила говаривать моя мать. Возможно, она была права, вопрос лишь в том, насколько справедливым можно считать моё самоопределение в качестве собачьих...

За прошедший год в моей жизни изменилось больше чем за все предыдущие. Год назад отец отправил меня в изгнание – в увядающий австралийский филиал одного из направлений своей компании. Я трудился в центральном офисе, расположенном в Мельбурне, около пяти месяцев, работая за десятерых – хотел доказать себе и людям, что чего-то стою. Порученное отцом дело оказалось безнадежно мёртвым: конкуренты жёстко задвинули наши позиции на нашем же рынке, используя наши технологии и наши же идеи. Борьба за правду и место под солнцем плавно перетекла в плоскость экономического суда, который я благополучно проиграл.

Но не это добило меня окончательно, а то, что отец не проявил никакого интереса к происходящему: я попросил у него помощи, и он прислал юристов, сам даже не посчитал нужным созвониться со мной. А его присутствие в суде могло серьёзно определить наши шансы на успех. Ему происходящее оказалось не интересно: в это самое время он отдыхал со своей семьёй на своей вилле в Испании.

Незадолго до этого я занялся проблемами Брисбенского филиала – единственного, имеющего ощутимые позиции на рынке и два государственных тендера, обеспечивающих прибыльность всего австралийского подразделения. В Брисбене на закрытой вечеринке в клубе мне «посчастливилось» познакомиться с Янг – рыжеватой австралийкой, гордо носящей китайское имя. Янг оказалась презабавнейшей девицей, обожающей сёрфинг и героин...

Мы плотно сдружились организмами, и в один прекрасный день, а точнее в тот самый, когда судья отказал в нашем иске по причине отцовского отсутствия, на меня снизошло озарение: я хочу стать художником и жить в Брисбене до конца своих дней.

Отец никак не прокомментировал мою отставку с доверенного поста, а я ждал, что он позвонит хотя бы по этой причине. Но нет: секретарь принесла факс моего дважды пересланного заявления с его размашистой подписью.

Вот так легко и непринужденно мой лайнер отправился в свободное плавание: я съехал из казённого фешенебельного жилья в арендованную дешёвую студию безо всякого вида на море, но зато с живой кирпичной кладкой, отчего Янг пришла в неописуемый восторг и явилась со мной жить ...без приглашения.

Янг не из тех женщин, которые готовят блинчики по утрам. Не из тех, кто с нежностью трогают твой лоб в том случае, если ты плохо выглядишь, но зато она не даёт цвести моей депрессии и клёво трахается. Вот прямо клёво, настолько улётно, что уже это одно становится моим героинном, помимо основного...

Да, я пробовал наркотик и раньше, но до этого момента моё баловство никогда не приобретало характер системности, и именно последнее уже давно не смущает мою трезвую половину сознания. Я привык к мысли, к идее, что наркозависим, и у моего пути имеется вполне определённый не слишком дальний маршрут.

Из плюсов: под кайфом я гениально рисую... ну, так полагают мой наставник и Янг. В художественной школе, куда меня занесло, я стал делать успехи с самого начала, поразив преподавателя своим видением композиции и особенной философией цвета.

Мы с Янг, которая, не желая оставаться в квартире одна на время моего отсутствия, тоже увязалась со мной на уроки, не устаём ржать над его комплиментами, потому что свои творения я создаю в крайне обдолбанном состоянии. Мы прозвали мой талант «пьяным вдохновением Геры», не стесняясь обращаться к нему всё чаще и чаще.

Самое смешное, что после выставки, куда случайно попали несколько моих героинового работ, их стали покупать настоящие живые люди! Причём продавались не только абстрактные разливы краски на белом или чёрном полотне, но и мои потуги рисовать человеческие лица.

- А кто эта девушка, которую ты всё время рисуешь? - интересуется однажды Янг.

- Не знаю... я думал, они разные! – честно отвечаю.

- Разные, но все с синими глазами и коричневыми волосами. Это твоя бывшая?

- Нет.

- Тогда почему ты рисуешь её без одежды?

А хрен его знает, почему я рисую её без одежды? И кто это вообще на моих рисунках? Но на выставку эти работы я отправлять не стал.

Из этого эпизода вышла ссора: Янг сфотографировала моих девушек и выложила в сеть. Тут же нашёлся желающий приобрести, но я отказался продавать. Покупатель попросил продать ему, по крайней мере, один рисунок, где девушка лежит со связанными руками, её глаза закрыты, а по щекам ползут грязные из-за косметики слёзы. Я не знаю, чем его привлекла именно эта картина, но менять своего решения не стал, и тогда он предложил сумму в десять раз больше стандартного гонорара. Я снова отказался, и это вызвало самую большую ссору в истории наших... отношений?! Я и сам не знаю, что это между нами было, но Янг ушла.

Спустя две недели она вернулась, и у неё была куда как более веская причина, нежели желание меня видеть – её попросту безбожно ломало. Конечно, у меня было чем ей помочь, но сам я тогда... испугался? Да, наверное, впервые понял, как гадко им будет, когда однажды они увидят меня таким. А это неизбежно: точка невозврата давно осталась позади.

Янг резко открывает дверь в квартиру, моя и без того уже неуверенная рука вздрагивает и предательская игла пробивает вену...

- Чёрт... Синяк останется... В эту жару такое палево!

- С длинным рукавом наденешь что-нибудь, в первый раз что ли?

- Да какого чёрта, Янг? Нельзя нормально, входить без такого грохота?!

- Если я так раздражаю тебя, зачем мы живём вместе?!

- А я знаю? Ты припёрлась, вот и живём!

Девушкам нельзя говорить подобные вещи, я в курсе. Но мне плевать. И по большей части потому, что я знаю: Янг не обидится. Она вообще уже очень давно разучилась обижаться, её интересует только одно: получит ли она вовремя то, что ей так нужно. И она получит, потому что у меня это есть. И хватит нам обоим надолго.

Дрейф беззаботного вольного художника длился недолго. В один прекрасный день происходит то, что я, в сущности, предвидел и чего ждал, я получаю сообщение:

«Ещё 5 миллионов»

Еду в Париж к матери, продаю подаренную отцом квартиру, выручив за неё 800 тысяч евро, повторяю всю известную уже процедуру со счетами, но мой далёкий «друг» не удовлетворён:

«Ещё 4 миллиона»

« У меня их нет!»

« Это твои проблемы, парень. Срок – неделя».

А у меня нет денег даже на билет до Сиэтла.

Я в тупике и отчаянии. Настолько беспомощным не чувствовал себя даже в то время, когда одна за другой операции не приносили желаемого результата, оставляя мне перспективу хромого. Я прожил часть своего детства в боли, госпиталях и страхах, но так как в этот момент мне ещё не было страшно, как и не было такого засасывающего в депресняк чувства безысходности.

Rhodes - Home

Я долго не мог подсчитать разницу во времени: в Сиэтле на 18 часов меньше, чем у нас – этот город одним из самых последних завершает наши земные сутки. Я звонил ночью, так, чтобы у них было десять утра – рабочее время.

- Здравствуй, отец.

- Здравствуй, Эштон.

- Мне нужна помощь.

Он некоторое время молчит

- Деньги?

- Да.

- Сколько?

- 4 миллиона.

- Много.

- Да, много.

- Зачем, скажешь?

- Меня шантажируют.

Отец некоторое время молчит, затем спрашивает изменившимся голосом:

- Сколько у тебя времени?

- Неделя.

- Подожди, не вешай трубку.

Я слышу, как отец зовёт свою помощницу Хелен, о чем они говорят разобрать сложно, но спустя некоторое время он уже обращается ко мне:

- Я буду в Брисбене через двое суток. В это время оставайся в своей квартире, ни с кем не контактируй и не принимай никаких телодвижений. Это ясно?

- Да.

- Очень хорошо. Просто дождись меня.

Спустя двое суток, как он и сказал, мы встретились в Старбаксе, расположенном на пятом этаже торгового центра на побережье. Отец приехал не один - с Пинчером. Этого следовало ожидать.

- Выкладывай, - требует без приветствий.

- Всё дело в видео, снятом служебными камерами в клубе. На нём я и Софья.

Отец с шумом выдыхает.

- Все записи той ночи удалены со всех носителей, - Пинчер знает всё.

- Это я удалил.

- Мы так и думали. Так в чём проблема тогда?

- Проблема в том, что его успели увидеть и сохранить копию... скорее всего, охрана. Те парни, что должны были работать в ту ночь.

- Разве не ты их уволил?

- Нет. Когда я приехал, их уже не было. Клуб был пустой.

- Тааак... - тянет Пинчер. - И когда они впервые связались с тобой?

- Примерно месяц спустя... после эпизода.

- Ты поэтому продал свою квартиру в Сиэтле?

- Да, поэтому. И в Париже тоже.

Отец разочарованно качает головой, но ничего не говорит - для этого у него есть Пинчер:

- Слушай, парень, почему ты сразу не обратился ко мне с этой проблемой?

- Потому что хотел сам разобраться. Надеялся, что смогу.

- Для решения ТАКИХ вопросов у твоего отца существует служба безопасности, и в нашу сферу входят все члены семьи, включая и тебя и Софью! Мы с тобой эти моменты обсуждали и не раз! Так я повторяю свой вопрос, почему ты не поставил меня в известность об этой вопиющей ситуации?! Ты хоть понимаешь, кого под удар поставил?

- Почему?

- Да! Почему?!

- Стыдно было. Стыдно, что отец увидит видео.

И он, отец, медленно проводит рукой по лицу, изо всех сил стараясь смять свои эмоции.

Пинчер нервно выдыхает и добавляет, глядя на отца:

- Детсад какой-то у тебя, ей Богу!

- Сможешь это решить? – с невероятным спокойствием спрашивает отец.

- Ну, разумеется! Какие могут быть сомнения? – с улыбкой. – Это ж песочница для моих ребят! Сам что ли не знаешь?!

- У него ещё пять дней осталось.

- Уже завтра у меня будут данные этих ублюдков. Через трое суток вопрос будет решён.

- Как вы их найдёте? – спрашиваю.

- Эштон, ни один человек не принимается в нашу охрану, если у него нет нитей, привязывающих к земле: это семья, девушка, родители, дети, спорт, увлечения.

- И эти люди выдадут своих родственников в такой срок?

- Даже в меньший. Всё зависит от профессионализма того, кто будет спрашивать. Если я – то уже через час, если мои ребята – то ещё быстрее! – смеётся.

- Я в тебе не сомневаюсь, Пинч. Могу я с сыном наедине поговорить? – спрашивает отец.

- Само собой, босс!

Пинчер удаляется, а я, глядя ему вслед, обдумываю тот факт, что отец назвал меня сыном...

- Давно ты колешься? – вопрос в лоб.

Я оторопел настолько очевидно, что отец не посчитал нужным дожидаться моего вопроса, ответил сам:

- Суженные зрачки, заметная заторможенность и одежда.

- Что не так с моей одеждой?

- А много ли ты видишь здесь людей в одеянии с длинным рукавом? В этом пекле и в трусах можно заживо свариться, а в джинсах и рубашке... мне дурно на тебя смотреть.

Я отворачиваюсь, потому что он прав – я весь взмок в этом одеянии. Синяк на руке всё ещё виден, да и следы от других инъекций если присмотреться, то легко можно обнаружить.

- Какого чёрта ты это делаешь?

- А какого чёрта ты это делал?! – в моих глазах вызов.

- От дури. От жалости к себе. От недостатка ума и настоящей мужской выдержки. Ты?

- Вероятно, по тем же самым причинам.

Я и сам толком не знаю, зачем сел на иглу, ведь раньше только нюхал и то, крайне эпизодически.

- Как давно? – и это уже строгий голос заботливого отца.

Заботливого?! Может ещё любящего?!

- Полгода.

- Как часто?

- Каждый день.

- Чем?

- Героин.

- Чистый, я надеюсь?

- Да.

- Не мешай с кокаином ни в коем случае!

- Я знаю, не дурак.

Отец никак это не комментирует.

- Деньги есть?

Я молчу.

- Я открою на твоё имя счёт. Найду толкового врача – тебе нужна помощь.

- Деньги не нужны. Я продаю картины – нам хватает.

- Нам, это кому?

- Мне и ... моей девушке.

- И она, естественно, тоже колется!

- Почему естественно?

- Потому что ни одна НОРМАЛЬНАЯ девушка никогда не допустит, чтобы её парень это делал. Но тебя же нормальные не интересуют?

- Почему не интересуют? Я почти женился на одной... Если бы не одно небольшое недоразумение! - скажешь.

Зачем я упрекаю его? Затем, что его дочь так и не понесла никакого наказания за то, что сделала с моей жизнью. Он прощает ей всё и позволяет тоже всё.

- Ты любил Маюми?

- Какая разница?! Я её выбрал!

- Большая разница, Эштон! Очень большая! Поэтому я повторяю: ты любил Маюми?

- Да любил. Мне было с ней хорошо.

- Ни черта ты её не любил.

- Ты откуда можешь знать?

- Достаточно давно по земле хожу, сын.

Опять «сын»?! Что это на него нашло? Неужели пожалел своего нелюбимого ребёнка?

И мне вдруг становится так сладко... Точно так же, как в детстве, когда из дома сбежал и знал, как матери плохо, и как жалеет она о том, что притащила в дом того мужика... И тут же вспомнилось, как стало потом гадко и мерзко от самого себя, когда увидел её поседевшие волосы. Точно так же гадко и мерзко мне от себя сейчас, потому что продолжаю желать Софье... А разве я продолжаю? Я, как истинный «нарик», заглядываю вдруг внутрь себя... и больше ничего не вижу: ни ненависти, ни злости, ни ревности. И на отца напал не из-за чувств своих ущемлённых, а просто по... инерции? Потому, что привык винить отца и его дочь в своих неудачах?

- О чём думаешь? – внезапный голос отца вынимает меня из состояния «зависания».

- Думаю, что ты прав. Настоящее так легко не развалилось бы.

- Слава тебе, Господи! Хоть одна умная мысль!

Меня «улыбнуло» упоминание Бога в речи этого отъявленного атеиста: это присказка Валерии. Он говорит её фразами...

- На самом деле, если б у тебя были чувства к той японке, ты бы не дал ей уйти. Но ты даже не шелохнулся. Я не заметил страданий на твоём разъярённом фейсе, зато видел на нём злобный оскал, удовлетворение и довольство тем, что Соня всё-таки сделала глупость, достойную наказания.

И у меня в итоге сложилось чувство, что ты нарочно приволок эту несчастную японку, чтобы подразнить Софью и спровоцировать её на очередной косяк! Я не знаю, что там было в том лесу вашем, но не сомневаюсь, что ты, Эштон, дал ей повод. Вот руку на отсечение даю!

Чёрт... он что? Ведьмак? Как он это делает? И снова отец угадывает мои мысли:

- Слишком давно живу и притом «весело». «Дыма без огня не бывает» – так моя Лерочка говорит в подобных случаях.

«Моя Лерочка» - он даже не стесняется выглядеть подкаблучником.

- Я хочу сказать тебе «спасибо», - внезапно заявляет.

- За что?!

- За то, что позаботился о Соне. Если бы это видео попало в сеть, она не вынесла бы такого удара. Соня – достойная дочь своей матери, для них обеих подобное равносильно концу света.

Да, ни его самого, ни меня не смутило бы видео своих сексуальных подвигов в интернете, но для хороших, правильных девочек это катастрофа.

- Спасибо, что позвонил мне. Иногда продать квартиру бывает легче, чем переступить свою гордыню. Ведь так?

Я подавлен... Какого он мнения обо мне? Теперь это очевидно: он считал и считает меня ублюдком и искренне удивлён, что его сын способен на нормальные поступки.

- Ты думал, что я способен спустить всё это на тормозах?

- Ничего я не думал. Благодарю, потому что считаю нужным. А ты не додумывай то, чего нет – это плохая привычка.

На его смартфон приходит сообщение.

- Мне нужно лететь обратно. Пинчер уже в аэропорту. Пишет, что личности шантажировавших тебя людей уже установлены. Похоже, мы закроем этот вопрос даже быстрее, чем предполагали. Пожелания есть?

- Есть. Не смотри видео.

- Я бы не смог. Там двое моих детей в самой отвратительной ситуации, какую можно себе представить.

Вот это «двое моих детей» выводит меня на какую-то совершенно новую орбиту.

- Мне нужно встретиться с ней. Хотя бы раз! - прошу.

- Зачем?

- Зачем?! Чтобы извиниться!

- Эштон... извиняются, когда на ногу наступят! А такие поступки как твой извинений не предполагают. Что сделал, то сделал, главное - результата добился. Теперь просто забудь и живи дальше, устраивай свою жизнь!

- Какого ещё результата?!

- Она успокоилась, как ты и хотел. Ты ведь этого добивался? Чтобы с дороги твоей ушла, чтобы не мешала, не создавала тебе проблем своими необдуманными поступками. Много в ней изменилось, и, несмотря на... мои чувства по этому поводу, твой метод оказался эффективным. Но если позволишь себе ещё раз нечто подобное – я убью тебя, и это не угроза. Это твоя перспектива.

- У неё кто-то есть?

- Да, конечно.

- Ты доволен?

- Сложно сказать, но на данном этапе - это лучшее из доступного.

И в голове эхом: «доступного...».

- Она любит его?

- Думаю, да. Но не так, как любила тебя.

- Любила?

- Всё прошло у неё, Эштон. После твоего лечения больно ей было, но и легко в тоже время. Призналась мне, что словно очистилась, будто тяжелую ношу скинула. Да я и сам это вижу, то, насколько легче ей теперь дышится. Так что... ты и в этом преуспел. Поздравляю!

И это «поздравляю» сквозь зубы.

- Позволь мне увидеть её хотя бы раз! – прошу, как побитая собака.

- С каких пор тебе требуется моё позволение?

- С тех самых. Сколько ни пытался – её охрана не подпускает ближе ста метров.

Он выгибает брови, поджимая при этом губы, скорее в разочаровании, нежели возмущённый тем фактом, что я всё же пытался приблизиться к его дочери, хоть он и запретил.

- Я в своё время совершил почти невозможное – нашёл свою жемчужину среди тысяч камней. У меня ушёл на это год. Целый год: ни адреса, ни телефона, ни даже фотографии. Только имя и город, не мегаполис, конечно, но и шестьсот тысяч – немало для одного ищущего.

- Что?! – моё лицо вытягивается. – Ты искал её?

- Да, целый год.

- Подвиг?

- Вряд ли. Скорее, акция по спасению самого себя.

Я так и не понял его последней фразы, а уточнить не успел – отец уже поднялся, приняв от официанта счёт, поблагодарил его за обслуживание.

- Эштон, у меня через час вылет. Боюсь, мне пора.

Поднимаюсь. Он не протягивает мне руки, и мы оба какое-то мгновение чувствуем эту неловкость. Он поворачивается, чтобы уйти, и я не выдерживаю:

- Отец!

Он возвращает мне свой карий взгляд, а я тяну руку, и это не русская традиция мужского прощания, нет: это немая просьба о прощении.

И мой отец жмёт мою руку, не прерывая диалога наших глаз, в котором за эти мгновения сказано больше, чем за весь последний час, чем за всю историю нашего знакомства.

Глава

10.

Прощение

Not every mistake deserves a consequence. Sometimes the only thing it deserves is forgiveness.

Не всякая ошибка заслуживает наказания. Иногда всё, что ей нужно - прощение.

Luca Fogale – Shelter

Спустя месяц я получаю сообщение от Лурдес.

Lu: Привет, Эштон. Как ты?

Ash: Привет, Лу. Замечательно, а ты?

Lu: А я очень скучаю по тебе, брат. Очень. Хочу увидеть, но, увы... Я наказана.

Ash: За что?

Lu: За тот случай с Маюми.

Ash: ?!

Lu: Принимай исповедь: это я всё подстроила, Эштон. Я подпоила Соньку и надоумила её переспать с тобой. И это я сказала Маюми о том, что у вас наверху происходит.

Ash: Зачем ты это сделала?

Lu: Потому что меня бесила твоя... эта японская девушка. Прости. Мне просто очень хотелось, чтобы у Соньки шанс был. Она очень любила тебя, очень... Как безумная. Я много раз влюблялась, но ни разу так, как она... Это больше на папу похоже, чтобы вот так вот, одержимо. Хотелось помочь ей, а вышло... а вышло, что наоборот ещё хуже сделала. Не вини её, пожалуйста. По крайней мере, так сильно постарайся не ненавидеть...

Ash: Не парься, сестра. Всё нормуль, все обиды давно в прошлом. И я не ненавижу Софи.

Lu: Ладно. Я чего пишу-то... Предки сейчас рядом с тобой, в Байрон-Бэе отдыхают.

Пауза.

Lu: С ними Софья.

Ещё большая пауза.

Lu: Я не знаю зачем, но отец попросил позвонить тебе и сказать об этом. Вот. Поэтому пишу... Ну и потому что соскучилась. Когда ты приедешь?

Очень хочется ответить: «наверное, никогда», но что-то останавливает.

Они здесь, всего в двух часах езды от меня. Отец привёз её ко мне сам, чтобы дать возможность извиниться и показать ей, что я не такой мудака... и животное.

Меня сковывает странная боль в груди, давящая, щемящая. Чувствую, как щиплет в носу, и знаю: пора наведаться к Гере.

Отвечаю сестре:

Ash: Спасибо, что сообщила.

Звоню Янг, спрашиваю, когда та явится домой – часа через три. Отлично, время есть, и этот кайф я хочу отхватить в полном покое, в тихом одиночестве. Повышаю дозу, потому что прежняя уже не так эффективна, а мне очень нужно кайфануть, очень.

Мне больно, внутри больно, оттого, что нужно ехать и сделать самое большое в моей жизни дело – вернуть девушке, моей сестре, отцовской дочери веру в людей и... мужчин.

Я знаю, что физическая зависимость развилась уже почти в полной мере, что у меня при отмене все признаки абстинентного синдрома, известного в простонародье под ёмким термином «ломка». И почему-то в этот момент очень хочется вернуть всё обратно: свою жизнь, своё сильное и здоровое тело, не страдающее от внезапных приступов насморка, проблем с пищеварением, дикого для меня состояния подверженности таким эмоциям как плач и беспричинный смех. Я потерял почти пятнадцать килограмм веса, мне не так просто даются физические нагрузки как раньше, и я уже не подниму свою девушку на руки.

Я не художник, я наркоман.

Отцовское поручение посетить врача так и не выполнил. Конверт с адресом клиники и контактами найденного им специалиста давно потерял. Он просил, но я не сделал, потому что с самого начала знал, что не хочу, нет в этом смысла.

Потому что я наркоман не от слабости, я наркоман по собственному осознанному выбору. Весь этот год я наказывал себя за то, что сделал с ней, с моей девчонкой...

Моей?!

Нет не моей. Она никогда не была моей. Мы были... врагами? Нет, вряд ли... но и родственниками тоже не были, как и друзьями. На друзей так не смотрят, как смотрела на меня она... почти постоянно, если только мы случайно или неслучайно попадали в одно помещение.

Игла входит в вену, но я не чувствую боли, мой мозг занят воспоминаниями: я вижу Рождество, жёлтые огни, и два синих блестящих блюда, переполненных восхищением и надеждами...

Влюблённые глаза... Красивые, наивные девчачьи глаза. Как много было в них веры в те глупости, которые называют сказками. И она зачем-то решила, что я – тот самый принц из её волшебной сказки.

Жизнь в моём лице вырвала страницы из её книги и написала в ней новые: чёрной, нестираемой тушью.

Валерия сказала тогда, что её дочь изменилась: нет больше доверчивой Сони, открыто и без боязни смотрящей на мир, щедро дарящей ему свою любовь.

Вот он источник моей боли: не стыд, не страх, не вес моего поступка - мне обидно, до слёз больно, что она больше никогда не вернётся, та самая юная, прекрасная в своей доверчивости и наивности Соня из-под ёлки.

И я как человек, какое-то совсем небольшое в своей жизни время считающий себя будущим врачом, могу с уверенностью сказать, что то, что тогда между нами случилось, страшно не физической болью, а психологическими последствиями. И меня душит понимание того, что она вполне возможно останется сексуально искалеченной на всю свою оставшуюся жизнь, не способная получить от мужчины то, что он может ей дать – сексуальное удовольствие. Фригидность – явление, в большей степени обусловленное не физиологическими особенностями женского организма, а психосоматическими причинами, одна из которых – неудачный первый сексуальный опыт.

Можно ли Сонин первый раз назвать неудачным? Это вряд ли. Принц, превратившийся в животное, в жестокого насильника – это я, это Сонин кошмар, её причина не желать мужчин в свою жизнь вообще ни в какой роли.

И это сделал я! Я лишил её даже возможности найти своё счастье, познать то, насколько прекрасным может быть время, проведённое в постели с мужчиной.

Более высокая доза не помогла: кайфа нет, кайф не идёт ко мне, только тоска и слабость. Буквально физическое ощущение собственного разложения.

Есть ещё кокаин. У меня есть. Кокаин с героином умеют дружить, и дружба эта фантастически приятна. Соблазн хотя бы вдохнуть, втянуть носом порошок, который принесёт, даст желаемое велико, как никогда. Но я наказываю себя – запрещаю. И чтобы мозги не плавало от желания это сделать, высыпаю содержимое пластикового пакета в унитаз.

Это было дорого. Янг, когда узнает, точно убьёт меня. Но если б я не избавился от него, не удержался бы. Наверняка принял бы. Я же уже не совсем человек, это уже случилось: моя личность медленно деградирует в животное состояние... Хотя, наверное, она была такой всегда.

От Брисбена до Байрон-Бэя два часа езды. Я выезжаю утром, чтобы иметь в своём распоряжении наибольшую часть дня, но, прибыв на место, так долго собираюсь с мыслями, что дотягиваю уже почти до вечера.

Jesse Ruben - This Is Why I Need You

2CELLOS - Benedictus

Их виллу найти не сложно, сложно – не найти. Я долго не решаюсь выйти из машины, но знаю: чем дольше тяну, тем тяжелее будет эта встреча. Нужно уже просто собрать волю в кулак и пойти туда.

Пойти, чтобы взглянуть в её такую чистую и такую обиженную мною синеву...

Да, это самое тяжелое. Не сложно сказать «Прости», тяжело заставить себя посмотреть в глаза человеку, которого так сильно обидел. Если то, что я сделал, вообще можно назвать обидой.

Они все трое валяются на шезлонгах. Время: четыре дня, и я знаю, что они только-только вышли на солнце - в этом семействе днём никогда не загорают – это вредно для здоровья и для кожи.

Валерия замечает меня первой, но ничего не говорит. Отец, увидев моё стремительное приближение, резко поднимается, отшвыривает свою газету в сторону, берёт за руку Валерию и ведёт её в дом. Мне становится очевидным его намерение оставить нас с Софьей наедине.

Я просил его о встрече с ней – он удовлетворил мою просьбу и сделал это, как всегда, виртуозно.

Спасибо, отец, так действительно будет НАМНОГО легче!

Софи, похоже, единственная, кто искренне удивлён. В её глазах испуг, ожидание чего-то

неизбежного и растерянность.

Она изменилась... Сильно. Если бы не её лицо, со спины я никогда бы теперь её не узнал - она округлилась, оформилась, грудь стала ещё больше, а бёдра напоминают материнские. Я знаю, что причина, скорее всего - гормональный сдвиг, случившийся во время её беременности. Она стала женщиной не только внутренне, но и внешне. Девочка и девушка остались теперь уже навсегда в прошлом.

Это странно, но прибавившийся вес сделал её... красивой и... влекущей...

Она снова остригла свои волосы, и это делает её более современной, чем прежде, взрослой, задорно модной. У неё каре, и из-за необычной густоты волос оно выглядит потрясающе: в её пышных каштановых прядях золото, словно кто-то посыпал их звёздной пылью...

Софья натягивает отцовскую футболку - не хочет, чтобы я видел её без одежды. Мне больно это осознавать, но слишком хорошо понимаю логичность и правильность этого неосознанного жеста. Я и её нагота - с некоторых пор несовместимые явления.

- Привет, - в моём голосе столько мягкости, сколько я и не подозревал ни в себе, ни в нём.

- Привет, - она решается взглянуть на меня, но совсем коротко. Даже, наверное, недружелюбно.

Что ж, я не дружить явился, Софи, а просить прощения! И если понадобится, то и умолять стану: нет больше сил жить с этим, не осталось во мне никакой мощи - как бы ни хорохорился, ни скрывался на другом континенте, в кругу чужих моей душе людей, в темноте и промозглости героиневой жизни, только сейчас сам могу себе признаться - погибаю под тяжестью чувства вины...

Наверное, не был я рождён животным. Не должен был быть способным на насилие, жестокость, чёрствость и ту грязь, в которую втянул тебя...

Мы оба зависаем в тягучем облаке ожидания, и я нахожу странным отсутствие неловкости - её нет ни во мне, ни в ней. Софи уже поняла, зачем я здесь, и покорно ждёт моего выхода.

- Прогуляемся?

Она не отвечает, собирает с шезлонга свои вещи: плеер, телефон, книгу, очки, роняет планшет, и я поднимаю его, отряхиваю от песка, выдуваю застрявший в боковых отверстиях для динамиков и протягиваю ей. Её руки принимают его, мы оба на мгновение замираем, но она не решается поднять глаза. Или просто не хочет. Или не может.

Да, последнее - наиболее вероятно. Наверное, не так просто смотреть в глаза того, кто тебя изнасиловал, ведь в глазах - душа, а в душу хочется смотреть тому, кто нравится, кто приятен или, как минимум, не вызывает отвращения так, как я.

- Я не обижу тебя ... больше, - выпаливаю.

Не знаю почему, но мне было жизненно необходимо сказать ей это. Пусть так неуклюже, не вовремя и не к месту, но очень хотелось, чтобы она знала, что отныне и никогда с моей стороны не будет ничего плохого в её адрес.

- Просто поговорим. Давно нужно!

- Хорошо, сейчас переоденусь. Подождёшь? - не поднимая глаз.

- Конечно.

Софи не требуется слишком много времени, чтобы натянуть свои шорты и футболку - она выходит всего через пару минут, сжимая в руке сланцы и солнечные очки. Я свои не брал, чтобы не было соблазна прятаться. Извиняются ведь не только словами, вернее не столько... Именно глаза по-настоящему делают эту работу, заглядывая в глубь другого, ищут в них тихую гавань прощения, принятия, снисхождения, отпущения обид в свободное плавание греховной реки истории человечества.

Сколько зла люди причиняли и причиняют другу другу? Сколько душ сгорело в ненависти? Сколько горечи принесли в судьбы многих ревность и зависть?

Lana Del Rey - Change

Мы долго бредём по берегу босиком, и я впервые за весь год жизни у моря радуюсь прибою, замечая, как прекрасен он в этом мягком, тёплом вечернем свете.

Мне кажется, наши с Софьей души сейчас о чём-то тихо беседуют, потому что испытываю

невыразимое чувство комфорта от происходящего. Да, похоже, мы говорим, не произнося ни звука. Многие наши слова, какие могли бы быть сказаны, просто заключены в этом времени, где мы оба и по собственной воле наедине. Потому что у обоих есть потребность в нём, в этом времени. Нам впервые нужно быть максимально честными, чтобы она смогла простить.

Софи останавливается.

- Устала?

- Нет. Просто далеко ушли, поздно будет возвращаться.

- Я провожу...

И я не знаю, хорошо это или плохо, то, что я сказал, потому что быть наедине в сумерках с насильником для девушки – не самая заманчивая перспектива. Я понятия не имею, что она думает обо мне, как относится. А спрашивать – стыдно. Но стыд – не самая моя большая проблема на сегодня.

- Не бойся меня, Софи, - прошу.

- Не боюсь.

- Я бы боялся.

- Отец доверяет тебе – значит, и я тоже.

Отец – всё для неё. Она верит каждому его слову, живёт по его канонам, он рисует её мир, и в этом мире она – его принцесса. Между ними бесконечное доверие, понимание и любовь.

Я смотрю на её волосы, окрашенные в красный свет заката, легко развеваемые ветром, и решаюсь, наконец, сделать то, зачем приехал. Но толку от этого не будет, если мы не посмотрим в глаза друг другу без страха, стыда, ненависти. Поэтому я медленно, так осторожно, как только могу, чтобы не напугать, не внушить ложную идею, поднимаю её очки. Но Софи не готова, ей тяжело принять меня после всего, что делали с ней мои руки и не только, и мне не остаётся ничего другого, кроме как помочь ей: я толкаю её подбородок вверх, заставляя взглянуть на меня, и она вынуждена это сделать.

Я удивлён – она действительно не боится. И я не вижу отвращения, в котором был почти уверен. Презрения тоже нет... Как и нет всего того, что было в этом синем взгляде до той страшной для нас обеих ночи – в них нет ничего. Просто глаза просто умной и спокойной девочки. Девочки, прошедшей через ад разочарования, девушки, познавшей самую мерзкую боль вместо сладкой любви, женщины, не ставшей матерью, ...

- Прости меня...

И она прощает. Глазами прощает, я это вижу и чувствую, как медленно стекает по моим плечам весь невыносимый груз последнего года. Самого чёрного года в моей жизни.

- Я не держу на тебя зла, - тихо отвечает.

И это тот момент, о котором я мечтал все последние месяцы, буквально жил им, ничего больше не желая так сильно, как этого.

- Спасибо, - шепчу, борясь с невероятно сильным для меня потоком эмоций.

- И ты прости меня... - неожиданная для меня фраза.

- За что? – я действительно не понимаю, зачем ОНА просит у меня прощения, и чем я заслужил подобное вообще...

- За Маюми...

За Маюми... Чёрт возьми, я даже не помню, что она была в моей жизни. Так глупо было всё то, что случилось тогда, в чём моей вины было не меньше, чем её, но и она, оказывается, тоже тащит груз...

- Не о чем тебе просить. Настоящее так легко не разрушишь. Так просто не рассыпается настоящее.

Софи поджимает губы и опускает свой взгляд. Я знаю, зачем: чтобы не заплакать. Ранимая, нежная девочка. Она не очерствела, или же ей просто не дали, не позволили. Но её взгляд скользит ниже и задерживается на моей руке, я замираю, потому что сознание не сразу объясняет мне происходящее: она видит синяк на сгибе моей руки и множественные проколы более удачных

инъекций, потому что, поднимая её лицо с целью заполучить хотя бы один взгляд, я не заметил, как собралась нарочно опущенные ниже локтей рукава.

Это была почти фатальная для меня ошибка. Вижу, как меняется её лицо: теперь в синем взгляде и страх, и разочарование, и боль. Кажется, она жалеет меня, и эта жалость хуже самой извращённой пытки. Я закрываю глаза, чтобы пережить этот момент, и конечно, убираю от неё свои руки – чувствую себя прокажённым, человеком иного сорта, того самого, который не позволяет касаться чистых и светлых девушек – таких, как она.

Софи сжимает свои губы почти добела.

Не плачь, Софи, только не плачь: лучше ненавидь, испытывай отвращение, но только не жалеи!

Она надевает очки, чтобы я не видел её глаз, хотя солнца уже почти нет. И мне становится плохо, до ужаса тошно, весь мир окрашивается в черноту, даже не депрессивно-серый, нет, для меня сейчас есть только чёрный и никаких оттенков. Хочется умереть. Перестать существовать и чувствовать, понимать эту жалость и боль разочарования в человеке, которому ты должен слишком много, чтобы отделаться одним словом «прости».

- Как ты живёшь? - внезапно спрашивает.

А как я живу? Что именно ей рассказать о моей жизни? О том, как продаю цветные кляксы и мазню? Или как сам над собой издеваюсь, рисуя её? Или, может, рассказать ей, как я со своей подружкой ширяюсь героином? Как мы валяемся на пару в нирване? Что между нами давно уже нет даже секса, потому что я не способен на него? Что мне плевать на своё худое тело, и я почти нищий? Собственно, такой же нищий, каким и был всегда. Или, может, признаться ей, что считаю себя ничтожеством после того, что с ней сделал, а теперь ещё и живу как ничтожество?

- Нормально живу. Обычно живу.

- Ну, чем занимаешься? Отец говорил, вы больше не работаете вместе?

- Не работаем.

- Почему?

- Надоело.

- Ладно.

- Расскажи лучше о себе!

- У меня такая же скучная жизнь, как и всегда: учусь и работаю. Всё свободное время я в госпитале, по выходным волонтерство - практически живу там. Отец вот вытащил на отдых буквально силой - позвонил кому-то в из начальства, и меня нахально выперли в отпуск! - она как будто даже улыбнулась.

- А твой бойфренд?

- Он терпеливый. Сама ему удивляюсь, - теперь точно улыбается.

А меня эта улыбка почему-то жжёт... Ревную, что ли? Да нет, это вряд ли.

- Говорит, что «любовь зла», поэтому согласен на меня любую!

Я хотел спросить: «А у вас любовь?», но не стал - испугался ответа.

В тот вечер мы расстались так, будто ничего плохого между нами и не было, будто отмотали плёнку своего фильма на год назад, вырезав всё непристойное и неприглядное. Всё то, что обоим так сильно хотелось бы забыть.

Глава 11. Возвращая дружбу

После разговора с Софи во мне что-то изменилось. Мой звездолёт, наконец, сдвинулся с мёртвой точки, но не рванул вперёд, как следовало бы ожидать, а медленно поплёлся в обратном направлении. И мне стало ясно, как сильно ему нужно туда, куда нельзя – домой.

Я перерыл квартиру, трижды поссорился с Янг, наорал на неё и, в итоге, вспомнил, что делал фото

распечатки с адресом клиники своим телефоном. Эти провалы в памяти и заторможенность меня достали.

До врача всё-таки дошёл и тут впервые понял, что такое зависимость. Нарколог объяснила мне, что лечение длительное, комплексное и требует полной самоотдачи. Перспектива валяться в больнице с такими же конченными «нариками» как сам свела мой благой порыв на нет – я передумал. При этом сознание тихо так и неуверенно намекнуло, что зависимый «я» лишь нашёл причину не избавляться от своего змия.

А змий пригрелся во мне уже очень хорошо – инъекции почти не приносят кайфа. Больше нет той всепоглощающей любви к миру, наслаждения каждой своей клеткой и каждым отдельным волосом, как это было раньше. Предметы не кажутся совершенными и живыми, а жизнь переполненной смыслами. Есть только гасимая боль, жар, липкий пот и проблемы с туалетом. Я прекрасно знаю, что со мной происходит, и намеренно не повышаю дозу. Говорю же: мой звездолёт хочет обратно, он уже летит домой, медленно, но всё же летит.

LanaDelRey - SwanSong

Зелёная точка горит напротив её имени. Горит и горит, намертво приковав мой взгляд. Я отключаю мессенджер, открываю новостной портал, читаю, и спустя добрых двадцать минут вдруг понимаю, что ничего не помню из прочитанного.

Проверяю мессенджер – все ещё горит.

Переключаюсь на mailboxes, удаляю пришедший спам – личных писем нет.

И вновь палец сам нажимает на иконку предательской программы, где все ещё продолжает гореть зелёная точка.

И я не выдерживаю: набираю своё самое первое за последние... шесть лет “Привет”. Отправляю и с удивлением вдруг обнаруживаю, как ухнуло нечто тяжёлое в груди в тот момент, когда мой палец коснулся голубой кнопки.

Странное чувство, незнакомое: микс страха, возбуждения и ожидания. Не хочу показаться слишком лиричным, но, наверное, именно этому эмоциональному состоянию поэты присвоили странное слово «трепет»...

Софья долго не отвечает, скорее всего, не хочет, но у неё вполне могут быть и объективные причины: например, то, что мы живём не в просто разных частях планеты, а в её симметрично противоположных точках, что у меня сейчас лето, а у неё зима, я смотрю на голубой экран своего телефона в вечернем полумраке, а она на свой – при дневном свете, потому что в Сиэтле время на 18 часов меньше, чем в Брисбене.

В тот момент, когда мой смартфон буквально взрывает сигнал оповещения о том, что она ответила, меня почему-то бросает в пот.

Lana Del Rey - Change

Sophie: Привет.

Ash: Как ты?

Sophie: Более менее. Ты?

Ash: Бывало и лучше, но... всегда можно найти хорошее даже в плохом.

Sophie: Позитивное мышление?

Ash: Отличная вещь, кстати – многим она серьёзно помогает держаться на плаву.

Sophie: Чем занят?

Ash: Слушаю дождь. Смотрю на капли на стекле. Жду твоих сообщений.

Тишина. Спустя 10 минут:

Sophie: У тебя дождь?

Из предложенных путей нашего диалога она выбрала самый нейтральный – поговорить о погоде.

Ash: У меня дождь, и уже давно.

Sophie: У нас тоже - зима же. Кажется, сегодня третий день подряд льёт.

Ash: Как твоя работа?

Sophie: Как и всегда: выматывающая.

Ash: Если б я был твоим парнем - никогда бы не позволил тебе так издеваться над собой!

Sophie: Хорошо, что ты не мой парень!

Ash: Да, наверное. Каждой твари по паре, помнишь?

Sophie: Честно говоря, нет.

Ash: Ну как же, это ведь отцовская философия, правда, в упрощённом виде...

Sophie: Я не слишком доверяю чужим философиям.

Ash: А чему доверяешь?

Снова пауза.

Sophie: Слушай, у меня сейчас начнется обход, рада, что у тебя всё в порядке.

Ash: Я тоже рад... что ты ответила. Пока...

Спустя неделю я снова гипнотизирую зелёную точку. Лежу в полной темноте.

Ash: Чем занимаешься?

Sophie: Сажу на скамейке в нашем сквере перед больницей.

Ash: Тяжелый день?

Sophie: Очень.

Ash: Расскажи!

Sophie: Не о чем рассказывать.

Ash: Почему?

Sophie: Хорошего нечего сказать.

Ash: Тогда поделись плохим. Может, легче станет.

Sophie: Сегодня оперировали моего пациента. При обследовании ставили ему вторую стадию, во время операции выяснилась полная третья - опухоль проросла в соседние органы. Завтра будем смотреть, что у него в костях, но у меня есть предчувствие, что все плохо. Очень агрессивная лимфома у него.

Ash: Ты же в гематологии?

Sophie: Да, но у этого мальчишки всё вместе: и кровь и почки. Редкий в своей фатальности случай. А он верит в свою удачу, верит, что поборет болезнь. Сын священника, последний, пятый ребёнок в семье. Вчера он сказал мне кое-что.

Ash: Что?

Sophie: Он рад своей болезни в том плане, что она досталась ему, а не родителям или братьям и сёстрам, и ему не нужно видеть их муки. Страдать самому легче, чем видеть, как это делают другие. Я вчера задумалась над этим, и знаешь, наверное, он прав - легче.

Ash: Зачем тебе думать о таких вещах?

Sophie: Чтобы больше ценить то, что у меня есть. Чтобы не видеть в своих огорчениях горечи. В мире так много уродства и боли, что собственные страдания кажутся пустыми и бессмысленными.

Ash: Прости меня!

Sophie: Мы уже давно решили с тобой этот вопрос. Помнишь?

Ash: Помню. Но не ощущаю...

Sophie: Почему?

Ash: Должен тебе гораздо больше, чем просьба о прощении...

Sophie: Хм... мне нужно бежать... пиши ещё - будем работать над твоими долгами :)

Ash: Обязательно напишу :)

На следующий день во время своего перерыва она написала мне первой:

Sophie: Привет.

Ash: Привет! :)

Sophie: Что за радость?

Ash: Ты написала первой, а значит моя карма немного очистилась! :)

Sophie: Расскажи про свой первый раз.

Ash: Эм...

Sophie: Ты мне должен, помнишь?

Ash: Помню, но...

Sophie: Рассказывай.

Ash: Ты же знаешь, я не любитель откровенных бесед.

Sophie: И, тем не менее, ты пишешь мне. Интересно, с какой целью? Потрепаться ни о чём?

Ash: Просто поговорить.

Sophie: В жизни не бывает просто. Если тебе тяжело, и я тот человек, кто может помочь - можешь на меня рассчитывать. Если не с кем поговорить - я выслушаю. Но если тебе нужно убить скучное время, то прости, у меня его нет. Совсем. Так что подумай и реши.

Ash: Ну... её звали Филис, мне было пятнадцать, а ей только исполнилось шестнадцать - это был как раз её День Рождения. Мы выпили в компании с друзьями, отметили её совершеннолетие и поехали ко мне. Моя мать в ту ночь была у подруги, мне казалось, что обстоятельства сложились крайне удачно для этого мероприятия. Ну, описывать сам процесс, надеюсь, не надо?

Софья долго не отвечает, я догадываюсь, что она, вероятнее всего, занята с пациентом и решаю продолжить:

Ash: Всё прошло удачно, если не считать, что мой первый конец замаячил на горизонте примерно через 20 секунд после начала :). Я потом ещё две недели страдал по этому поводу, но Филис гуманно дала мне возможность неоднократно реабилитироваться и поверить в свои силы.

Sophie: Вообще-то я спросила про первые чувства!

Ash: Да?! Ну вот, снова оконфузился!

Мы молчим, и я думаю: развела меня или правда о чувствах спросила? Чувства - это ведь намного серьезнее.

Ash: Расскажи ты о том, как это было впервые.

Sophie: Эм.. я не буду. Девочки об этом не говорят!;

Ash: Я о первом чувстве...

Sophie: Ты серьёзно, Эштон?! Ты ж в первом ряду сидел, что ещё тебя интересует?!

Ash: Всё!

И это правда, но самое важное, что я хотел бы знать: осталось ли что-то ещё от того чувства или нет... Или всё ушло безвозвратно?

Sophie: Конкретизируй, или я отвечать не буду.

Ash: Окей, давай начнём с самого начала: когда, как и почему?

Sophie: Ну ... он мне сразу понравился и сразу сильно.

Ash: Исчерпывающее признание!

Sophie: Понравились глаза, руки...

Ash: Руки? Что особенного в моих руках?

Sophie: В твоих - ничего, а его были особенными: они могли сотворить что угодно: от толкового украшения дома гирляндами и семейного ужина до разбитой морды насильника и спасения задыхающегося ребёнка. А ещё они были просто красивыми - настоящие мужские руки.

Ash: Значит руки?

Sophie: Не только. Больше, конечно, нравились глаза... Особенно, когда он был весёлым, радостным, ласковым. Но потом всё изменилось, он то ли скинул маску, то ли наоборот надел... теперь уже не важно, потому что таким, в какого влюбилась, я больше никогда его не видела.

Ash: Он надел маску. Надел. С тобой был настоящим, а потом отравился и заболел.

Sophie: Чем?

Ash: Ты знаешь.

Sophie: Нет, не знаю. Так чем?

Ash: Завистью.

Sophie: Это плохая болезнь. Злокачественная.

Ash: Но у него не фатальный случай был, он вылечился и снова стал здоровым.

Sophie: Я рада за него. Желаю ему долгих лет.

Ash: Спасибо. Только он сам не желает.

Sophie: Что так?

Ash: Понял, как сильно ошибался, понял, что из-за болезни лишился самых главных в жизни ценностей, и теперь не знает, как жить дальше, а главное - зачем.

Sophie: Каждый человек живет для того, чтобы быть счастливым. Но у каждого своё счастье: для кого-то оно в работе, творчестве, а кому-то нужно любить и быть любимым. Ты знаешь, в чем твоё счастье?

Ash: Знаю. Всегда знал, и, несмотря на возраст, приобретённый опыт и знания, оно неизменно.

Sophie: И?!

Ash: Любовь и полная семья.

Sophie: Почему именно полная?

Ash: Потому что это то, чего мне всегда не хватало.

Sophie: А ты не думал, что судьба даёт каждому из нас ровно то, что ему на самом деле нужно?

Ash: Не думал, и не думаю. Нет никакой судьбы, мы сами определяем свой путь.

Sophie: Ну, это каждый решает для себя сам, но вот если взять тебя, к примеру: ты не инвалид, не болен изнуряющей онкологией, у тебя всегда была любящая мать, почему просто не радоваться тому, что есть?

Ash: Потому что так устроена моя личность.

Sophie: Но это всё равно, что желать соседскую жену или дом, имея при этом свой собственный! Всем чего-то не хватает! Но далеко не все превращают свою жизнь в одержимую гонку!

Ash: Ты права. Всё это верно и мудро, но... Но ты никогда не жила без отца. Ты не знаешь, что это

такое, не догадываешься, как сильно давит осознание своей уязвимости...

Sophie: Боже мой, слова-то какие!

Ash: Я пытаюсь описать тебе свои детские и подростковые эмоции. Вначале тебе его просто не хватает, его руки, внимания, слов, советов, походов на рыбалку и за великом в День Рождения, но потом ты вдруг понимаешь, что неполноценен, тебя либо выкинули, либо ты, как в моём случае, не был нужен с самого начала, и это делает тебя не человеком, а вещью... Ты можешь на секунду представить себя брошенной вещью?

Sophie: Зачем мне представлять, я однажды была ею. Использовали и выбросили...

Твою ж мать, это удар ниже пояса. Получай, Эштон, заслужил. Я больше не пишу своих излияний - вдохновение пропало, но получаю от Софи ещё одно сообщение:

Sophie: Я хочу сказать тебе две вещи. Первая: твой отец никогда не отказывался от тебя, он всего лишь не имел шанса узнать о твоём существовании, и тебе об этом было хорошо известно. Тебя никогда не обманывали, Эштон, и за это я очень уважаю Амбр! Вторая: если бы ты жил в обществе, где каждому ребёнку полагается только одна мать в качестве родителя, ты бы не чувствовал себя ущербным? Значит дело не в обстоятельствах, а в том, как ты на них реагируешь! Подумай над этим, а я прощаюсь - перерыв закончился. Хорошего дня!

Отправляю ей «Спасибо», но она уже не в сети.

Утром, примерно в 5 моего утра, что должно было быть 11 часов вечера в Сиэтле, меня будит звук пришедшего сообщения:

Sophie: Нам нужно поговорить о том, что тогда случилось. Раз и навсегда оставить это позади. Именно об этом я вчера и завела речь, а разговор как-то съехал не в ту сторону.

Я сразу же отвечаю и совсем не в обиду на неё за то, что она не подумала о разнице во времени:

Ash: Да, я понял и боюсь сделать тебе больно.

Sophie: Если сравнивать с той болью, которую терпят мои дети, то твои страдания были ничтожны. Совсем. Поэтому отпусти.

Sophie: И ещё: отец раздул из всей этой истории слишком большую трагедию, я с ним не согласна. Свои выводы на твой счёт сделала, но и отец перегибает палку. Мама тоже считает, что он не прав.

Ash: Я считаю, что он прав.

Sophie: Главное, ты сам себя прости.

Ash: Не могу. Никак.

Sophie: Да ладно, сто лет прошло уже, всё забылось, будто и не было ничего.

Ash: Было. Ребёнок был. Наш ребёнок.

Она долго молчит. Так долго, что мне делается тошно.

Ash: Не молчи, прошу тебя, только не молчи.

Sophie: Мне нечего тебе сказать. Ты потревожил рану, которая никогда до конца не затянется. Просто не трогай эту тему больше, ладно?

Ash: Софи...

Sophie: И не пиши эти свои «прости» уже, окей?

Ash: Не буду. Просто хочу, чтобы ты знала: у меня есть точно такая же рана, и болит так же сильно. Ты не одна в этом.

Sophie: Я никогда не была одна ни в этом, ни вообще в чём либо, Эштон. За моей спиной всегда стоит отец, и если я падаю, он всегда подхватывает. Не он учил меня ходить по земле, но он учит идти по жизни. И это - основная наша проблема с тобой, ведь так? Слишком много его заботы достаётся неродной мне и слишком мало родному тебе.

Ash: Это в прошлом. Давно в прошлом.

Sophie: Уверен?

Ash: Абсолютно.

Sophie: А я нет. Он поступал несправедливо по отношению к тебе и продолжает это делать.

Ash: Возможно. Но моё отношение к этому поменялось. Вообще всё в корне изменилось.

Sophie: В какой момент?

Ash: В тот самый!

Sophie: Что за идиотские загадки? Тебе что, 15 лет?

Ash: В тот момент, когда я изнасиловал тебя. Вернее, на следующее утро.

Sophie: Ты не насиловал меня, Эштон.

Ash: Какая разница, суть не в терминологии.

Sophie: Разница есть и притом большая. Если ты не помнишь... я пошла с тобой по доброй воле. И ты предлагал мне уйти, дважды. Так что это точно не было насилием.

Ash: Я всё помню.

Sophie: Это странно, потому что состояние у тебя было неменяемое. Обычно люди ничего не помнят после такого количества выпитого и... вынюханного :)

Ash: Я помню. Всё.

Sophie: Лучше бы не помнил.

Ash: Почему?

Sophie: Потому что я - дура, сама виновата, что пошла за тобой. Ни одна другая на моём месте не стала бы этого делать и бежала бы в обратном направлении. Просто я слишком... глупая была. И не ожидала, что может быть вот так ... с тобой.

И теперь мне уже нечего сказать. Да, я всё это знал, но читать её мысли, слова, чувства - это другое. Это как принимать у самого себя исповедь.

Ash: Софи, я не знаю, как вернуть тебе то, что взял тогда.

Sophie: Не нужно. Подарки не возвращают! :)

Ash: Антиподарки... как там моя лошадь, кстати?

Sophie: Жива. Что ей сделается.

Ash: Её секрет до сих пор хранится у меня.

Sophie: Это удар ниже пояса, Эштон! Я ребёнком была!

Ash: Ты была тогда даже большим взрослым, чем я теперь.

Sophie: Девочки взрослеют раньше!

Ash: Избитая истина, но это правда: я только сейчас дорос до тебя шестнадцатилетней.

Sophie: Что ты хочешь этим сказать?

Ash: Главное...

Sophie: Самокритично :). Когда же ты догонишь меня?

Ash: Боюсь, что никогда - ты слишком резво несёшься. Вон, даже мечты мои уже почти исполнила в собственной интерпретации!

Sophie: Жизнь коротка, Эштон, некогда раздумывать. Ты вот всегда слишком много думал и...

Ash: И в суп попал!

Sophie: Именно :) Относись ко всему проще, не ищи подводных течений там, где их нет, и всё вокруг тебя само собой наладится!

Ash: Хочется в это верить.

Sophie: Хотеть мало, нужно действовать, Эштон.

И я действую: принимаю решение лечь в наркологическую клинику. Почти две недели уходит на подготовку, бюрократию и обследования, и я уже почти пациент их богадельни, как вдруг мне звонит отец:

- Эштон, я буду у тебя завтра вечером. Нужно поговорить. Встретимся там же.

Глава 12. Второй разговор с отцом

Мы сидим за маленьким столиком у панорамного окна с видом на море и пляж, в той же кофейне, что и в прошлый раз.

- Есть вещи, которые невозможно скрыть, Эштон. Даже тебе - виртуозу в этом мастерстве. Если исходить из того, что биологически ты - мой сын, а твоя внешность это подтверждает, то ты должен был унаследовать от меня одну занятную особенность - моногамию. Понимаешь, о чём я?

Смотрит в глаза, не отрываясь, сканирует, испытывает, изучает. Я чувствую, что этот день и эта беседа вывернут меня наизнанку, но сделать ничего не могу: мой мозг словно под гипнозом, и я не в силах отвести взгляд - его карие, точно такие же как и мои, глаза приковали намертво.

- Понимаешь меня или нет?! - повторяет свой вопрос.

- Смутно! - признаюсь.

Отец откидывается на спинку всем телом и, будто расслабившись, отпускает меня, устремив свой взор на раскинувшуюся под нами бухту.

- Мы передаём по мужской линии способность необычно сильно любить одну женщину. Только один единственный раз в жизни это происходит с нами: с моим дедом, отцом, со мной самим. Я свою женщину нашёл в семнадцать, мой отец - в том же возрасте, и, насколько мне известно, у деда была та же история. Сделай выводы.

Я делаю. Молча.

- Сложность ситуации в том, что эта особенность даёт нам два пути: вовремя это понять и иметь возможность полноценно и счастливо прожить свою жизнь, создав большую крепкую семью, где царствует любовь на зависть соседям, или же ... утонуть в разочарованиях. Мой отец женился рано, зачал четверых детей, но судьба так распорядилась, что выжил только я. Дед прожил в несчастье с нелюбимой женщиной, со слов моего отца, мучил её, пока не угробил. А знаешь почему?

- Почему?

- Потому что она была «не той», и он за это её ненавидел. Мне пришлось вырвать свою женщину, а вместе с ней и свою жизнь, из чужой семьи... Много бед наворотил, много ошибок наделал, но до этого момента жил так счастливо, как и сам не предполагал, что такое вообще возможно.

- До этого момента?!

Мне не нравится то, что он говорит, грудь давит предчувствие неизбежной беды, трагедии, какого-то аномального потрясения.

Я жду, замерев, затаив дыхание, и он это делает:

- У меня рак, Эштон. Рецидив. Время упущено, сам виноват: проигнорировал уже знакомые симптомы, вовремя не стал обследоваться.

Пауза, я жду, что он посмотрит мне в глаза - хочу увидеть в них подтверждение сказанному, что это не блеф, не какая-то чёртова игра! Не могу поверить в услышанное, в голове каша... и пустота. Не хочу верить!

- Лера не знает, никто не знает и не должен.

И вот теперь только он позволяет мне заглянуть в себя, и я вижу, что всё правда...

Боль... Боль... Боль!!! Она рвёт мою душу на части! Не хочу в это верить! Не желаю! Какого чёрта?!

- Почему ты ... сейчас не в больнице, почему не лечишься?

- Не хочу.

У меня ступор.

- Помнишь, я сказал чуть раньше, что мужчины в нашем роду несут в своих генах способность аномально сильно любить?

- Да.

- А что такое любовь, по-твоему, Эштон?

- Не знаю, желание быть рядом как можно больше... наверное, - выдавливаю, пытаюсь сосредоточиться на его вопросах.

- И всё?

- Нет. Ещё потребность в сексе с этим человеком.

Он смеётся.

- Я не понимаю только, зачем мы здесь сидим и говорим об этой ерунде, когда ты смертельно болен и прямо сейчас должен лежать под какой-нибудь капельницей с химией, способной тебя вылечить! - мой голос ровный и спокойный, хотя желание вопить сейчас одно из самых серьёзных.

- Потому что любовь, Эштон, это когда ты ставишь интересы любимого человека выше своих. Всегда. Думаешь в первую очередь о нём и лишь потом о себе.

Снова пауза, он даёт мне возможность полноценно осмыслить сказанное и снова цепко держит мой взгляд своим. Но я не чувствую конкуренции в его взгляде, не в этот раз.

- Я люблю вас обоих слишком сильно, - его голос ровный, спокойный, сильный.

- И?! - я даже не спрашиваю, о ком речь. И без того ясно.

- И я не хочу, чтобы она снова это проходила. Ты понятия не имеешь, что это такое, и насколько ей будет тяжело. Когда всё кончится, у неё не останется сил выжить самой.

- Бред... это всё бред! Думаешь, если умрёшь без лечения, ей будет легче? По-твоему, лучше жить с мыслью, что не было сделано даже попытки спасти?

- Она не будет знать, что происходит. Узнает, когда всё закончится, и в этот момент рядом будешь ты.

Вот он! Момент истины! Вот к чему все шло! Так с этого и надо было начинать, твою мать!

Мои руки судорожно проводят по лицу, словно пытаюсь стереть этот дурной сон, этот кошмар, этот ужас реальной жизни.

- С чего ты взял, что она полюбит меня?

- Полюбит, не сомневайся. Для этого у тебя сегодня, завтра и ещё энное количество дней есть я. И я расскажу тебе, что нужно делать. Выдам столько информации, сколько ты захочешь получить, зайду так далеко, как ты мне позволишь.

Он что?! Намекает на её сексуальные предпочтения? Неудивительно, конечно, после того, что я сделал с его дочерью, но ...

- Ты будешь рядом в самый тяжёлый для неё момент, и это будет твой шанс - она впустит в себя, я почти уверен в этом.

И всё это всё тем же спокойным тоном... даже не верится, что этот человек полжизни страдает от панических атак. Он всё давно и детально продумал, но чудовищность его последнего в жизни проекта лишает меня возможности даже думать - в таком шоке я нахожусь!

- Отец...- говорю ему, - это не аномально сильная любовь, это извращение! Ты безумен!

- Любовь - это и есть безумие, сын. Когда-нибудь ты поймёшь это сам. А сейчас я хочу, чтобы у вас обоих был шанс: у неё на жизнь с кем-то лучше, чем я, а у тебя возможность познать, что такое настоящее полноценное счастье, - с этими словами он встаёт, шумно отодвинув свой стул.

- По-твоему, можно жить счастливо, похоронив отца ради шанса получить его женщину?!

- Всё зависит от того, с какого ракурса смотреть на вещи. Найди правильный для себя, остальное само собой сложится в чёткую картинку. Ты знаешь, где меня найти! - бросает напоследок.

А я ещё долго сижу в ступоре, не в силах даже подняться, не то, что осилить смысл только что произошедшей беседы.

Полную версию книги можно приобрести в группе автора:

Или на сайте Литнет:

Книга Сони - «Абсолют в моём сердце»

Книга Эштона - «Царство красоты»

История Валерии и Алекса - «Моногамия» и «Моногамист»

Другие книги и контакты автора:

Группа автора Вконтакте «Моногамия 18+»

Арты, бонусы, рецензии, живые обсуждения героев и книг.

Моногамия 18+

Что вы знаете о сексе? Всё?

А вот Лера не знала почти ничего, хоть и имела в своих активах целого мужа и любимого сына. Но однажды ей захотелось «прозреть», и случилось это потому, что она встретила загадочного Алекса.

Возвращаясь из санатория, где лечила астму сына, Лера обнаруживает, что муж дома не один. Только вот «Чужой» оказывается не банальной любовницей, а молодым человеком – американским другом мужа. Не с первого взгляда Лера увидит в нём свою судьбу и не со второго. Необычно красив этот парень, но ещё более необычна его притягательность: слишком жадно смотрят на него женщины, слишком он яркий и харизматичный, чтобы допустить мысль о... любви?

Оказывается, Валерия ничего не знала не только о сексе, но и о чувствах.

Порядок серии:

Моногамия

Моногамист

Абсолют

Царство красоты

Мудрость и красота

Моногамист 16+

”Нужна всего одна минута, чтобы заметить особенного человека; всего один час, чтобы его понять; всего один день, чтобы его полюбить, и целая жизнь, чтобы его забыть.”

Алекс знал с детства, что моногамен, что сможет полюбить только раз, и на Земле существует лишь одна женщина, предназначенная для него.

Утомившись бесконечной вереницей женских тел, сексапильный и харизматичный Алекс задаётся целью разыскать девушку из своей юности -Валерию. Они виделись всего раз, но эта встреча навсегда запала в его душу: ему довелось спасти её, едва не утонувшую в Чёрном море.

Судьба благосклонна, и Алекс находит то, что искал, однако Лера уже замужем и воспитывает сына.

Остановит ли это его?

Очень страстно, эмоционально, нежно, неоднозначно.

Абсолют в моём сердце (Абсолют #1) 16+

Я влюбилась в сводного брата. Без взаимности. Что делать? Скрывать и ждать, пока само пройдет? Пыталась – не получается.

И как быть, если всё самое главное хочешь пережить именно в его объятиях? Мечтаешь обо всем только с ним: и первый поцелуй, и первый секс! А он...

Он холоден как айсберг... И почему-то ненавидит меня !

Но, главное, не сдаваться!

Царство красоты - (Абсолют #2) 16+

Эштон просыпается в комнате для свиданий и осознаёт, что прошлой ночью изнасиловал сводную сестру. Ну, не совсем изнасиловал – она сама пришла, да практически навязалась, и вообще, нарывалась все последние годы, бегая за ним собачонкой, но...

Как жить-то теперь?

Вот он сидит на холодном кафеле душевой и с ужасом понимает, что натворил в пьяном угаре.

Это урок ей такой был – грубый секс, чтобы больше не питала на его счёт иллюзий.

Но что делать с совестью? С чувством вины? Как отцу в глаза смотреть? А ей, Софье?

Извиниться, сказать «прости». Уехать на край света.

А что в груди разворотило и давит на сердце большим и болезненным «люблю», так это пройдет. Наверное.

Как выход найти? Где он? В чём?

Опиум. За мгновения До... (Опиум#1) 16+

Не близкие и не далёкие, не друзья и не враги. Хотя нет! Враги получились из них, как раз, самые непримиримые: подростковая война едва не окончилась трагедией.

Но это было шесть лет назад, а теперь у взрослых детей взрослые игры:

ЕВА:

Серьёзно? Первый гонщик и бойфренд самой ядовитой змеи в школе?

Девушки млеют от одного его взгляда, парни мечтают числиться в друзьях. А я? А я, кажется, готова воевать не с ним, а за него...

ДАМИЕН:

Евва... От одного имени тяжелеет в груди, и сжимаются кулаки. Одна против меня, одна против всей школы... Что же ты делаешь, Ева?! Что ты со мной делаешь?

МЕЛАНΙΑ:

Я дала себе слово, что выйду за него замуж. И не в моих правилах отказываться от собственных обещаний. Нет ничего такого, что могло бы меня удержать.

Опиум. Вечность после... (Опиум#2) 18+

Он называл её «Опиум», потому что его любовь к ней была похожа на одержимость.

Он нарисовал на своей груди татуировку мака, идеальную копию её цветка - символ бессмертия их чувства.

Он обещал ей дом на берегу реки, детей, процветание и высокие стены его защиты и заботы.

И он всё это дал... но не ей.

Семейная тайна разбила все их надежды и мечты, открыв непреодолимое препятствие - им НЕЛЬЗЯ.

Пути Господни неисповедимы, однако счастье каждого человека - в его собственных руках, и только в них.

Месть 18+

Когда-то Соня и Макс были одноклассниками, но друзьями так и не стали - глупость и малодушие оказались сильнее притяжения.

Макс нанёс Соне смертельную обиду, так больно ударил, что МЕСТЬ стала смыслом всей её жизни. Но Софья слишком сложна, чтобы ответить простым и предсказуемым способом, её месть задумана изощрённой тонкой игрой: влюбить, привязать, измотать, вдребезги разбить сердце.

Всё готово, каждый шаг давно продуман и просчитан, задуманное идёт по плану, пока ситуация внезапно не выходит из-под контроля.

У романа две концовки: авторская и с хэппи эндом. В книге опубликованы оба варианта.